

РАННИЙ И СРЕДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

ГЛАВА I

ЯМНАЯ И ПОЛТАВКИНСКАЯ КУЛЬТУРЫ

Важнейшим признаком начала нового этапа в развитии человечества является изобретение сплавов на медной основе, именуемых бронзой. Впервые бронзовые изделия появились в IV тыс. до н. э. в Южном Иране и Месопотамии. Впервые о бронзе говорится в шумеро-аккадском “Гимне богу Огня”, который датируется IV тысячелетием до н.э. В течение II тысячелетия до н.э. бронзолитейное производство повсеместно распространилось в Европе и Азии. Этими хронологическими рамками и определяется период бронзового века в истории человечества. Археологическое подразделение истории на три важнейшие эпохи - камня, бронзы и железа имеет глубочайшие корни. У Гесиода бронзовый век предшествует железному. У Гомера бронзовые изделия упоминает существенно чаще, чем железные. И наиболее известный трактат Лукреция Кара “О природе вещей” еще в I веке до н.э. повествует о трех веках в истории человечества. Но лишь в XIX веке гипотеза о последовательной смене технологических традиций обрела научную полноту. Система трех веков была всесторонне обоснована директором музея Копенгагена К. Томсеном (1788 - 1865).

В основе хронологической последовательности основных этапов развития лежит принцип открытия и освоения новых технологий, которые фундаментальным образом повлияли на весь ход истории человечества. Металлические орудия и распространение технологии огненного ремесла являются важнейшим признаком эпохи. Собственно бронза представляет собой сплав меди и олова, а также - мышьяка, сурьмы, цинка, свинца. Классическое сочетание сплава - 90% меди и 10% олова.

Добыча руды, ее переработка и распространение готовых изделий требовали высочайшей организации производства. Не случайно металлургия бронзы совпадает по времени с рождением первых государственных образований Месопотамии и Египта. Тогда же появляются системы ирригационного земледелия и клинопись.

В течении XX века установлен непреложный факт: на протяжении III тысячелетия до н.э. население восточноевропейских степей использовало металлические изделия из химически чистой меди или из меди, имеющей естественные примеси. Первостепенное значение здесь имеют историко-металлургические исследования Е.Н.Черных (Черных Е.Н., 1966; 1970; 1978; 1988 и другие). В итоге, появилась гипотетическая возможность рассмотрения начала бронзовой эпохи лишь с начала II тысячелетия до н.э. Данная позиция получила обоснование в ряде монографий и круп-

ных итоговых исследованиях. Так, западный ареал распространения ямной культурно-исторической общности рассматривается в разделе культур медного века Украины (Археология Украинской ССР, 1985. С.336 – 352). Понятие “медный век” по основным своим характеристикам практически полностью соответствует понятию энеолит. Энеолит - существенный хронологический период, который на юге Восточной Европы представлен серией блистательных памятников археологии. В их ряду ключевыми при характеристике энеолитической эпохи являются Хвальинский и Сьезженский могильники Поволжья. Это бескурганые погребальные комплексы. Исследователи энеолита достаточно единодушны во мнении о культурной преемственности позднеэнеолитических и ямных племен. Это может служить дополнительным аргументом отнесения ямников к заключительной, “финальной” стадии энеолита. Вместе с тем, исследования трех последних десятилетий достаточно ясно свидетельствуют о культурной преемственности и неразрывности традиций между ямной культурой и всеми последующими культурами бронзового века Волго-Уралья (Мерперт Н.Я., 1974; Васильев И.Б., 1981; Качалова Н.К., 1983). Одновременно, на территории Северного Кавказа и предкавказских степей проводилось и проводится детальное исследование ключевых памятников раннего бронзового века майкопско-новосвободненской общности. Майкопские материалы поражают своим богатством и разнообразием. Высочайший уровень металлопроизводства майкопских племен основан на технологии бронзового литья с применением таких лигатур, как мышьяк и никель (Черных Е.Н., 1966; Корневский С.Н., 1984; Галибин В.А., 1991). Именно майкопская металлургия открывает эпоху бронзы Северного Кавказа и, в целом, всего Юга Восточной Европы. Длительная историографическая традиция хронологическую позицию Майкопа определяла концом III тысячелетия до н.э. И лишь в конце семидесятых годов М.В.Андреевой предложено удревнить начало майкопского культурного феномена на целое тысячелетие - до конца IV тысячелетия до н.э. (Андреева М.В., 1979). Проведенные в девяностые годы масштабные серии радиоуглеродных датировок майкопских и новосвободненских материалов убедительно подтвердили правоту исследователя и послужили важным аргументом для удревнения начала всего бронзового века (Корневский С.Н., 1993; Резепкин А.Д., 1995; Трифонов В.А., 1996).

Сравнение хронологических позиций ямной культуры Поволжья с датировками майкопско - новосвободненской общности весьма надежно свидетельствует о более древнем возрасте последней (Кузнецов П.Ф., 1996а). Очевидно, расцвет Майкопа и был тем катализатором, который определил начало ранней бронзы в степях Восточной Европы. Важнейшие типы металлических изделий ямных, полтавкинских и катакомбных племен восходят к майкопским образцам. Использование на ранних этапах бронзового века химически чистого металла обусловлено достаточно большим количеством медных рудопоявлений в Волго-Уральском междуречье, а также тысячекилометровой удаленностью от залежей олова, никеля, сурьмы.

Параллельно с выявлением культурно-типологических связей материалов Поволжья и Кавказа были получены радиоуглеродные датировки

ки, свидетельствующие о существенном хронологическом разрыве позднеэнеолитических и ямных памятников (Кузнецов П.Ф., 1996б).

Существенным обстоятельством является наступление сухого и теплого суббореального периода, относящегося ко времени эпохи бронзы. Энеолитическая эпоха относится, в целом, к другому - атлантическому периоду. Масштабные палеопочвенные исследования последних лет убедительно доказывают начало суббореального периода в степной зоне с распространением ямной культурно-исторической общности в Восточной Европе (Демкин В.А., 1993; 1997; Иванов И.В., 1978; 1989; 1992; 1996; Иванов И.В., Лисецкий Ф.Н., 1994).

Таким образом, приведенные аргументы вполне достаточны для определения начала бронзового века. Именно комплексы ямной историко-культурной области в степной и лесостепной зонах является первыми в череде культур бронзового века Восточной Европы.

Характерными особенностями ранней бронзы данного региона является переход к полностью производящей экономике, базирующейся на двух главных секторах экономики - подвижном скотоводстве и металлургическом производстве. Последнее основано на эксплуатации медных рудопроявлений Волго-Уральского региона (Черных Е.Н., 1997). Подвижный характер скотоводства ямников стимулировал широкое распространение и модификацию транспортных средств с применением волов или быков. Прототипами повозок послужили переднеазиатские грузовые повозки. Необходимо отметить, что комплексный характер скотоводства существенно отличался от кочевых форм хозяйства более поздних эпох. Кочевники железного века и средневековья были более специализированными, товарными скотоводами, ориентированными на земледельческие ойкумены и на торгово-обменные операции с центрами ремесленного производства. В отличие от кочевников эпохи железа, для эпохи бронзы характерно комплексное скотоводство с разведением крупного рогатого скота. Важнейшей особенностью восточноевропейских племен являлось коневодство. Очевидно, именно в начале бронзового века происходит переориентация коневодства из пищевого сектора экономики в транспортный.

Археологически начало раннего бронзового века характеризуется утверждением курганного обряда и малым числом бытовых памятников с выраженным культурным слоем. Металлические изделия по своему типологическому облику восходят к майкопско-новосвободненским образцам.

Курганные могильники являются важнейшими источниками информации о социальном устройстве общества, об антропологических особенностях популяции, о природно-климатической обстановке территории в период, предшествующий сооружению насыпи.

Курганные могильники территории Самарского Поволжья различны по числу насыпей. Некоторые группы курганов насчитывают по два - три кургана. Наиболее распространены памятники с числом курганов до десяти. Некоторые, наиболее выдающиеся могильники насчитывали до сорока - пятидесяти сохранившихся насыпей. Таковым является, например, Лопатинский I курганный могильник. Самые древние подкурганные захоронения Самарского Поволжья относятся к ямной культуре.

По радиоуглеродным датировкам, время появления первых курганов относится к рубежу IV-III тысячелетия до н.э. (калиброванные значения). Наиболее древние курганы расположены на ровных участках первой надпойменной террасы р.Волги и ее притоков. Курганы насыпались на краю террасы, обращенном к реке. Курганы ранней бронзы сооружались обычно над одним или несколькими однокультурными захоронениями. Случаи перекопов и сооружения впускных погребений в готовые насыпи единичны. В этом - одно из главных отличий самарских курганов от некрополей всего Евразийского степного пояса. Курганы степной и полупустынной зон Нижнего Поволжья функционировали как места погребений непрерывно на протяжении многих эпох. Здесь неоднократно видоизменялась и конфигурация насыпей - срезалась верхняя часть, сооружались новые досыпки и ровики. В отличии от нижневолжских некрополей, более половины всех ямных курганов Самарского Поволжья не тревожились никогда.

Среднее Поволжье в эпоху раннего бронзового века было занято племенами ямной культуры (рис.1). Это название, как и многое в археологии, условное, применяемое учеными-археологами для понимания тех исторических процессов, которые происходили в исторические периоды, от которых не остались письменные источники. Настоящее же название или самоназвание этих племен мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем. Время начала бронзового века в степной зоне Восточной Европы в целом, и Самарского Поволжья как ее составной части, в настоящее время является предметом пристального исследования специалистов. Решение данной проблемы еще требует существенных уточнений, несмотря на то, что исследуется она почти сто лет. В 1901 - 1903 гг. В.А.Городцов установил известную триаду бронзового века на юге России: ямная - катакомбная - срубная культуры (Городцов В.А., 1905а; 1905б). Со временем система существенно усложнилась. Выявлены особые культурные образования конкретных территорий, открыты новые культурные стадии. Вместе с тем, достаточно обоснованно утверждение о том, что на огромных степных просторах от Уральских гор и до Днепра длительное время обитали носители скотоводческих культур ямной культурно-исторической области.

Культура названа ямной по способу захоронения в простых прямоугольных ямах, в отличие от катакомбной и срубной культур. Для поволжских материалов схему В.А.Городцова впервые использовал известный саратовский археолог, профессор П.С.Рыков, выделивший среди памятников эпохи бронзы ямные погребения.

Изучение памятников начальных этапов бронзового века на территории Самарской области в нынешних ее границах началось еще в 20-е годы XX столетия. Первые погребения были исследованы В. В. Гольмстен на реке - М. Кинель у с.с. Березняки и Микилино Пилогинской волости Бугурусланского уезда (ныне Кинель-Черкасского района) в 1923 и 1926 годах, а также у с. Аверьяновка Бузулукского уезда на р. Кутулук (ныне Богатовский район) в 1926 году (Гольмстен В.В., 1923; 1926). В начале 50-х годов Н.Я.Мерперт исследовал погребения у с. Светлое Озеро Ставропольского района (Мерперт Н.Я., 1958. С.66-73).

Наиболее активные исследования проводились в 70-е годы, когда Средневолжская археологическая экспедиция КГУ и КГПИ (ныне Самарский госуниверситет и гос.пед.университет) развернула широкомащтабные раскопки степных и лесостепных курганных групп в Самарском Заволжье. В 1970 году в насыпи кургана 2 Широценского могильника в Борском районе был обнаружен сосуд эпохи средней бронзы (Васильев И.Б., 1975. С.26). В 1972-1973 годах были исследованы курганы у сел Утевка (Васильев И.Б., 1980. С.32-58; Агапов С.А., 1973) и Покровка (Агапов С.А., Васильев И.Б., 1975. С.3-12) Нефтегорского района, Абашево и Владимировка Хворостянского района (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 1989. С.69-86). В 1974 году М.Ф.Обыденнов раскопал два кургана ямно-полтавкинских времени у с.Сускан Ставропольского района (Обыденнов М.Ф., 1974). В 1975 году были исследованы погребения у с.Кашпир Приволжского района (Иванов В.А., Пестрикова В.И., 1982. С.175-183), Андреевка Богатовского района (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1976. С.162), Преполовенка Безенчукского района (Багаутдинов Р.С., Пятых Г.Г. 1987. С.55-67). В 1977 году были раскопаны курганы у с.Красносамарское (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 1988. С.39-59). В 1978 году В.Н.Зудина провела раскопки Давыдовского курганного могильника (Зудина В.Н., Кузьмина О.В. 1999. С.115-142).

Исследование памятников ранней и средней бронзы продолжены в 80-е и 90-е годы.

В 1982 и 1986 годах были исследованы грунтовые погребения в обрыве Волги у с.Екатериновка Приволжского района (Зудина В.Н., Крамарев А.И., 1993. С.128-156). В 1983 году несколько погребений были раскопаны в курганах у пос. Кряж Безенчукского района (Матвеева Г.И., 1983). В 1986 году М.А.Турецкий исследовал один курган позднеполтавкинских времени у с.Тамбовка Большеглушицкого района (Турецкий М.А., 1999. С.135-144). В восьмидесятые – девяностые годы экспедиционный отряд под руководством П.Ф.Кузнецова проводит целевые исследования ямно-полтавкинских курганов. В задачу данных работ входит максимально возможное получение археологической, антропологической, социокультурной и экологической информации. В Красноярском районе у с.Лопатино были раскопано несколько ямно-полтавкинских погребений (Кузнецов П.Ф., 1986). В 1989-1990 годах были исследованы курганы около с.Кутулук (Кузнецов П.Ф., 1991. С.137-139; Кузьмина О.В., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1999. С.145-153).

В 90-е годы источниковедческая база по памятникам ямной и полтавкинской культурам пополнилась новыми памятниками. В 1992 году были раскопаны погребения в курганном могильнике около с. Нижняя Орлянка Сергиевского района (Сергиевский район, 1987. С.92-98). В 1994-1995 годах П.Ф.Кузнецовым было исследовано несколько ямно - полтавкинских погребений в курганах у с.Спиридоновка Волжского района. В 1994 году исследованы курганы у с.Николаевка Волжского района (Скарбовенко В.А., 1999. С.143-159). В 1996 году были исследованы погребения эпохи ранней и средней бронзы у с.Гвардейцы Борского района (Крамарев А.И., 1996). В 1998 году было исследовано погребение в

кургане у р.Журавлиха в Большеглушицком районе (Кузнецов П.Ф., 1998). В этом же году Л.В.Кузнецовой и Д.А.Сташенковым был раскопан курганный могильник у с.Калиновка Сергиевского района (Сташенков Д.А., 1999. С.25-41). В 1999 году был исследован Красносамарский IV курганный могильник в Кинельском районе. В Нефтегорском районе продолжено изучение могильников в районе с.Утевка: Утевский V и Лещевский курганные группы.

Впервые ямные погребения Самарской области в рамках Средне-волжского района были проанализированы в работе Н.Я.Мерперта (Мерперт Н.Я., 1974). Небольшое количество известных к тому времени ямных погребений позволило, тем не менее, автору нарисовать общую картину распространения ямных племен с территории Нижнего Поволжья на север, на широту Самарской Луки и выше. Несомненно, ряд положений, высказанных в этой и последующих работах Н.Я.Мерперта, претерпели изменения по мере накопления новых материалов. Так, например, устарел тезис о ямных курганах, как древнейших погребениях Волго-Уралья в связи с открытием Съезженского и Хвалынского могильников. С большей долей осторожности возможен подход к методу распределения подкурганных погребений по стратиграфическим горизонтам, примененному Н.Я.Мерпертом при анализе ямных погребений для выделения хронологических групп (Черных Е.Н., 1976. С.340). Ямные памятники нижеволжской, средневолжской и приуральской групп Н.Я.Мерперт рассматривал в качестве локальных групп единого волжско-уральского варианта ямной культуры (культурно-исторической области). Исследования последних лет позволили сделать вывод о значительном своеобразии и, в то же время, внутренней общности двух последних групп (Турецкий М.А., 1997. С.28-30).

Проблемы истории ямной культуры занимают важное место в исследованиях И.Б.Васильева. После открытия памятников эпохи энеолита в Среднем Поволжье - Съезженского (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979. С.147-166), Хвалынского могильников (Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990) и ряда других комплексов И.Б.Васильевым была создана схема формирования ямной культуры в Поволжье на основе хвалынской культуры, причем первоначально автор включал в нее два этапа - собственно хвалынской с бескурганым обрядом погребения и более поздний, куда входили древнейшие подкурганные погребения Нижнего Поволжья (Васильев И.Б., 1979; 1980а. С.5-7). Перенос термина "древнеямная культура" на памятники хвалынского типа вносил некоторое несоответствие в устоявшуюся терминологию энеолита - ранней бронзы Восточной Европы. Впоследствии И.Б.Васильев отказался от использования этого термина применительно к хвалынским комплексам, за которыми было оставлено название "хвалынская культура" (Васильев И.Б., 1980б. С.39; 1981. С.31). Вследствие этого выделенная древнеямно-среднеэнеолитская культурно-историческая общность была переименована в хвалынско-среднеэнеолитскую (Васильев И.Б., 1981. С.31-34; Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С.48-49). И.Б.Васильев впервые обобщил материалы по ямной и полтавкинской культурам Среднего Поволжья (Васильев И.Б., 1978. С.169-184; 1979. С.24-56), приведя их в

соответствие с уже имеющимися периодизациями нижеволжских материалов (Н.Я.Мерперт, Н.К.Качалова). Проблемам развития ямной культуры на территории Оренбургской и Самарской областей посвящены работы Н.Л.Моргуновой (1994; 1997. С.16-23; 1999). По мнению автора, ямная культура в Приуралье и Заволжье прошла в своем развитии три периода (Моргунова Н.Л., 1997. С.21). Автор также отмечает определенную самостоятельность и особенность средневолжско-приуральских ямных погребений относительно нижеволжских (Моргунова Н.Л., 1999. С.98). Вопросам соотношения средневолжских и приуральских ямных комплексов посвящены отдельные разделы в работе С.В.Богданова (Богданов С.В., 1999). Проблемы переходного периода от эпохи раннего бронзового века к среднему бронзовому веку на территории Среднего Поволжья рассматриваются в работах П.Ф.Кузнецова (Кузнецов П.Ф., 1989; 1991а; 1997. С.33-37) и М.А.Турецкого (Турецкий М.А., 1992; 1992а. С.64-79; 1997. С.28-30; 1999. С.135-144).

Ряд работ был посвящен анализу погребального инвентаря, прежде всего ножа и топора, ямных погребений Самарской области (Черных Е.Н., 1970; Корневский С.Н., 1977. С.44-46; 1980. С.59-66), а также костяных рогаток (Кияшко В.Я., 1989. С.78-79).

Одной из важнейших проблем в изучении бронзового века является проблема формирования ямной культуры в Волго - Урале и роли в этом процессе предшествующих культурных образований энеолитической эпохи. Широкие исследования памятников эпохи энеолита проводимые последние 25 лет в волго-уральском регионе, значительно изменили представления о периоде формирования ямной культуры. Энеолитический субстрат, вошедший в состав ямной культуры Волго-Уралья, до середины 70-х годов был представлен лишь отдельными памятниками типа разрушенного Криволучского погребения (Гольмстен В.В., 1931. С.7-12), погребения на Ивановском селище близ г.Хвалынска (Орехов В.Ф., 1916. С.39-44) и ряда донных поселений в Нижнем Поволжье (Минаева Т.М., Рау П.Д., 1926. С.5-21; Минаева Т.М., 1929. С.27) и Северном Прикаспии (Рыков П.С., 1931. С.49-80; Сеницын И.В., 1951. С.97; Белецкий В.Д., 1962. С.61-64). Культурную принадлежность последних памятников, как отмечал Н.Я.Мерперт (Мерперт Н.Я., 1974. С.27), определить было очень трудно, поскольку, как правило, культурные слои носили смешанный характер. Оторванно, вне культурного контекста, выглядел скипетр из Куйбышевского музея (Мерперт Н.Я., 1974. С.60) (интересно отметить тот факт, что эта находка, по словам сотрудника музея Н.В.Бакшеева, происходила именно из кургана (Мерперт Н.Я., 1974. С.60, сноски).

С открытием энеолитических памятников типа Съезженского (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979. С.147-166), Хвалынского (Агапов С.А, Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990; Васильев И.Б., 1981. С.22-42), Хлопковского (Малов Н.М., 1982. С.82-94) могильников в Среднем и Нижнем Поволжье, энеолитических стоянок в Западном Оренбуржье (Моргунова Н.Л., 1995. С.60-72), Нижнем Поволжье (Юдин А.И., 1995. С.10-12) и Северном Прикаспии (Барынкин П.П., 1992. С.11-18) представления об этом периоде претерпели значительные изменения. Устоявшаяся схема развития местного

энеолита, связываемая, прежде всего, с памятниками ямной культуры (по крайней мере, ее первых этапов) (Мерперт Н.Я., 1974. С.74-82), была переработана, вплоть до выделения новых культурных образований — самарской и хвалынской культур (Васильев И.Б., 1981), культурно-хронологическое соотношение которых в дальнейшем конкретизировалось и уточнялось (Моргунова Н.Л., 1984. С.68-78; Гей А.Н., 1985. С.17; Пестрикова В.И., 1987. С.92-95). Однако погребальные памятники этих культур располагались в лесостепной зоне, тогда как в собственно степной зоне Волго-Уральского междуречья, впоследствии освоенной ямными племенами, такие памятники не зафиксированы. Это затрудняет общую характеристику энеолита степной полосы, поскольку те немногочисленные поселения, которые расположены в этой зоне, не дают полного представления об энеолитических культурах степного Заволжья. Тем не менее эти памятники оставлены населением, являвшимся тем субстратным элементом, на основе которого сложились ямные племена волго-уральского региона. Поэтому необходимо дать краткую характеристику этих культурных образований.

В лесостепной зоне волго-уральского междуречья эпоха раннего энеолита представлена памятниками самарской культуры. Могильники (Съезженский, Липовый Овраг) характеризуются бескурганном обрядом погребения. Погребенные лежали в вытянутом на спине, положении, вероятнее всего, образуя ряды, наподобие расположения погребенных в Мариупольском могильнике (Макаренко М.О., 1933). Такая традиция характерна для памятников позднего неолита — раннего энеолита, относимых к мариупольской культурно-исторической области (Васильев И.Б., 1979б. С.8-10). Характерной чертой погребений самарской культуры является значительное количество сопровождающего погребального инвентаря, куда входят разнообразное орудия труда, типа каменных тесел и долот крупных размеров, костяных вкладышевых ножей, проколок, гарпунов, украшения — бусы, подвески и пронизки из раковин, нашивные пластинки из клыков кабана т.н. “мариупольского типа”, поделки из клыков кабана и костей в виде фигурок животных — лошадей, быков, уток. Кремневый и кварцитовый инвентарь представлен незначительным количеством изделий, в том числе вкладышами и крупными ножевидными пластинами. Керамика, расположенная не в погребениях, а на жертвенных площадках, имеет ряд своеобразных черт, прежде всего, воротничковое оформление венчика и ряды глубоких ямок на шейках сосудов. Встречаются и безворотничковые сосуды. Орнамент, как правило, покрывавший всю поверхность сосудов, был выполнен гладким штампом, образующим горизонтальный зигзаг. Распространенными были композиции в виде меандровых, овальных и прямоугольных контуров, заполненных оттисками “шагающей гребенки”. Керамика с поселений самарской культуры близка материалам Съезженского могильника, но имеет ряд отличий. Особенно эти отличия заметны в керамике с Ивановской стоянки в Западном Оренбуржье, где не встречаются меандровые и овальные фигуры с заполнением “шагающей гребенкой”, ямки, но появляются “гусеничная” и “веревочная” орнаментация. Это позволило Н.Л.Моргу-

новой выделить в самарской культуре средний (II) этап развития (Моргунова Н.Л., 1984. С.139), куда кроме Ивановской и Турганинской стоянок были включены разрушенные погребения Ивановского могильника и Криволучья (Моргунова Н.Л., 1984. С.139). Синкретический характер Криволучского комплекса, имеющего сходство как с материалами самарской, так и хвалынской культур, служит основанием для синхронизации этих двух культурных образований на определенном этапе их развития. На возможность такой синхронизации указывают и материалы Ивановской и Турганинской стоянок, где встречены самарские и хвалыньские керамические формы, а также близость Ивановского и Хвалынского могильников по инвентарю погребений (серпентинитовые браслеты, раковинные бусы и другие украшения из раковин) (Моргунова Н.Л., 1979. С.16-19; Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С.11-12).

Самарская культура на I и II этапах своего развития занимала южную кромку лесных и лесостепных районов Среднего Поволжья и Приуралья. Вероятнее всего, в этот же период, в более южных районах лесостепного Поволжья происходит формирование хвалынской культуры, представленной Хвалынским и Хлопковским могильниками. Вопрос этот остается до конца нерешенным, поскольку разные исследователи по-разному определяют культурно-хронологическое соотношение памятников двух культур. В отличие от И.Б.Васильева и А.Т.Синюка, относящих самарскую культуру к раннему, а хвалыньскую культуру — к развитому энеолиту (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С.9-15, 40), А.Н.Гей и В.И.Пестрикова пришли к выводу о возможной синхронизации этих двух культур (Гей А.Н., 1985. С.17; Пестрикова В.И., 1987. С.106). Для решения проблемы культурогенеза ямной культуры важным представляется не столько соотношение звеньев известной триады — Съезжее-Хвалыньск-Бережновка, сколько роль каждого из этих звеньев в сложении ямной культуры волго-уральского региона. Хвалыньская культуры выделена на основании погребальных памятников (Васильев И.Б., 1981. С.22-31). В них фиксируется иная, отличная от погребений самарской культуры, традиция погребального обряда. Погребенные лежат скорченно на спине, в одиночку или коллективно. Встречаются случаи многоярусного расположения погребенных, что свидетельствует о длительности функционирования могильника и внутриобщинных связях населения, оставившего его. Керамический комплекс Хвалыньска отличается от Съезжей прежде всего своеобразием форм сосудов, отсутствием плоскостонных типов керамики, характером орнаментации. В.И.-Пестрикова выделяет 3 типа сосудов: 1) колоколовидные с отогнутым наружу венчиком, в т.ч. мешковидные; 2) шаровидные; 3) чаши. Основными мотивами в построении композиций служат горизонтальные и наклонные ряды отпечатков аммонита, горизонтальные ряды ямок, прочерченным волнистые линии (Пестрикова В.И., 1987. С.49-50). Погребальный инвентарь разнообразен — крупные ножевидные пластины, наконечники, шлифованные тесла, каменные браслеты, топоры с цапфами, скипетры, среди украшений — огромное количество бус из раковин, костяные подвески и пронизи, накладки и подвески из клыков кабана, а также медные украшения в виде спиральных браслетов и колечек. Спектральный анализ хвалыньских медных украше-

ний показал, что они были изготовлены из меди, связанной с рудными источниками БКПМ (Рындина Н.В., 1998. С.152-158). Значительно количество орудий из кости — гарпуны, рыболовные крючки, трубочки из костей птицы, т.н. “флейты”, ножи. Отмечается большое количество жертвенников с костями домашних животных (КРС, МРС, лошадь) (Петренко А.Г., 1984. С.70,117). И.Б.Васильев относит к хвалынской культуре упомянутые выше Ивановский могильник и Криволучье, с близким к хвалынским погребениям набором погребального инвентаря, а также погребение с Ивановского селища близ г.Хвалынска и скипетр из Куйбышевского музея. В последние годы был исследован II Хвалынский могильник (материалы не опубликованы), с материалами, аналогичными I Хвалынскому могильнику.

Приведенные выше факты могут быть рассмотрены применительно к проблеме формирования ямной культуры Волго-Уралья. Для этого необходим сопоставительный анализ памятников раннего и среднего энеолита с древнейшими подкурганными погребениями, традиционно относимыми к раннему этапу ямной культуры.

В работах последних лет уже ставился вопрос о возможности сосуществования памятников позднего мариупольского типа и древнейших подкурганных погребений (Мерперт Н.Я., 1974. С.59; Ковалева И.Ф., 1984. С.50; Гей А.Н., 1985. С.15-17), высказанный впервые А.Д.Столяром (Столяр А.Д., 1955. С.16-37). В то же время подобная синхронизация отмечается и для хвалынской культуры и первых подкурганных захоронений (Мерперт Н.Я., 1980. С.18-19; Васильев И.Б., 1981. С.43-44). Вероятность такой синхронизации стала возможной только после открытия в волго-уральском регионе памятников самарской и хвалынской культур. Поэтому при создании схемы развития ямной культуры Н.Я.Мерперт, отмечая архаизм первой группы ямных памятников, находил и сходство с материалами смежных территорий, прежде всего, Подонья и Северного Кавказа (Мерперт Н.Я., 1979. С.54-80). Эти памятники (х.Попов, 31/7, погр.4; Мокрый Чалтырь, погр.6; Хопры; Архара, 27/1,2), а также включенные В.Я.Кияшко в I,III,IV группы энеолитических погребений, исследованные на Нижнем Дону (Кияшко В.Я., 1974. С.83-88, 101-104), погребение 25 кургана 7 у с.Старица, раскопанное В.П.Шиловым (Шилов В.П., 1960), погребение 1 кургана 15 у пос.Веселая Роша, исследованное М.А.Романовской (Романовская М.А., 1982. С.173-175), группа энеолитических погребений Прикубанья, выделенная В.А.Трифоновым (Трифонов В.А., 1983. С.7-9) и другие в настоящее время рассматриваются исследователями как пласт древнейших подкурганных погребений, предшествующих ямным погребениям классического, “городцовского” облика. Эта группа энеолитических погребений отражает период формирования собственно ямной культуры в степной зоне, охватывающей Поволжье, Подонье и Предкавказье и поэтому включает в себя комплексы, в которых фиксируются культурные традиции предшествующих и синхронных им ранне — и среднеэнеолитических культур — мариупольского круга, хвалынской, среднестоговской, репинской (I этапа) и, видимо, тех энеолитических памятников, которые не включены в культурные образования (например, Нальчикский могильник). Основываясь на такой предпосылке, можно рассмотреть

древнейшие подкурганные погребения волго-уральского междуречья, включенные Н.Я.Мерпертом в I хронологическую группу погребений, а также ряд комплексов, отнесенных к более позднему группам. Необходимо отметить, что Н.Я.Мерперт не исключал возможности рассматривать часть древнейших подкурганных погребений (типа Бережновки I,5/22 и Быково I,12/7) в рамках IV тыс. до н.э., но считал это преждевременным из-за отсутствия твердых оснований для такой датировки (Мерперт Н.Я., 1974. С.59-60). С исследованием энеолитических комплексов в Поволжье такая возможность становится обоснованной.

Синхронное существование памятников хвалынского типа и древнейших подкурганных погребений, выделяемых в энеолитический пласт степной зоны волго-уральского региона, приходится на середину IV тыс. до н.э. (Дремов И.И., Юдин А.И., 1992. С.29). Косвенным доказательством такой датировки является система синхронизации каменных скипетров, найденных в Хвалынском (Васильев И.Б., 1981. С.28. Рис.20,18) и Хлопковском (Малов Н.М., 1985. С.61-62. Рис. 55,1,5) могильниках, в погребении Архара, 27/1 (Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1966. С.93-96), экземпляра, хранящегося в Куйбышевском музее (Васильев И.Б., 1981. С.28. Рис.30,5) и памятниках трипольской культуры этапа VI (Березовская ГЭС) (Даниленко В.Н., 1974. С.95. Рис.64,4), Верхние Жоры I (Яровой Е.В., 1985. С.105, 107), датированного 3600-3300 г.г. до н.э. (Археология Украинской ССР, 1985. С.254). В подкурганных погребениях Заволжья скипетры не встречаются (если не считать экземпляр, хранящийся в Куйбышевском музее из разрушенного кургана, расположенного на юге Куйбышевской или севере Саратовской области). Однако, полное соответствие практически по всем типам вещей между выделенной группой погребений и памятниками хвалынского типа свидетельствует о параллельности существования и культурной близости этих памятников. С другой стороны, у нас нет никаких данных для удревления даты бытования древнейших подкурганных погребений до начала IV тыс. до н.э., что предполагает для Хвалынского могильника В.И.Пестрикова на основании некалиброванных радиоуглеродных данных (4050-3750 л. до н.э.) (Пестрикова В.И., 1987. С.105). Учитывая и тот факт, что грунтовые могильники в степной и лесостепной зонах существовали на протяжении всего периода неолита и энеолита, а древнейшие подкурганные погребения появляются не ранее середины IV тыс. до н.э., можно считать, что параллелизм существования их с памятниками хвалынского типа на территории волго-уральского региона охватывал период, не включавший в себя самые ранние этапы развития последних.

Сложнее обстоит дело со связью древнейших подкурганных погребений и памятников самарской культуры, и в целом с параллелизмом существования мариупольской культурно-исторической области в ее восточной зоне и раннеямных памятников Волго-Уралья, куда исследователи традиционно относили описанные выше погребения. О подобном явлении неоднократно писал Н.Я.Мерперт (Мерперт Н.Я., 1958. С.58; 1974. С.60; 1980. С.19), а также И.Б.Васильев (Васильев И.Б., 1979б. С.70-71) и А.Н.Гей (Гей А.Н., 1985. С.16). Для нижнедонского района такую

возможность предполагал В.Я.Кияшко (Кияшко В.Я., 1974. С.90). В волго-уральском регионе, и прежде всего в степной зоне, где зафиксированы все упоминавшиеся выше древнейшие подкурганные погребения, роль самарской культуры проявляется значительно слабее, чем хвалынской.

Во-первых, это связано с территорией, занимаемой самарской культурой — южной кромкой лесной и лесостепной части левобережья Волги, в то время как хвалынская культура занимает более южные районы.

Во-вторых, в ряде случаев трудно определить специфику таких категорий вещей, как некоторые виды украшений (бусы и пронизки из раковин) крупные ножевидные пластины, распространенные в обеих культурах.

В-третьих, безусловная близость керамики из древнейших подкурганых погребений с керамикой как хвалынской, так и самарской культур по формам и элементам орнамента.

Таким образом, учитывая роль таких культурных образований, как хвалынская и самарская культуры, приходится признать, что для древнейших подкурганых погребений, образующих энеолитический пласт степной зоны волго-уральского региона, большее значение играли контакты с первой культурой, нежели со второй. Вероятно, это связано с культурно-хозяйственной деятельностью и направлением связей обеих культур. Ориентированная на южные лесостепные и степные районы, хвалынская культура теснее была связана со степным энеолитическим населением, чем самарская, направление связей которой было преимущественно на восток и северо-восток, вплоть до Прикамья и Южного Урала (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С.13-15; Васильев И.Б., Габышев Р.С., 1982. С.5-6; Матюшин Г.Н., 1982. С.58-62; Моргунова Н.Л., 1984. С.68).

Ямная культура, охватившая степные и лесостепные районы Нижнего и Среднего Поволжья и Приуралья, развивалась на фоне различных культурных образований, гораздо меньших по своим масштабам и занимавшим, как правило, маргинальные области распространения ямных памятников. Такие локальные культурные образования, открытые в последние годы, зафиксированы прежде всего в лесостепной части Среднего Поволжья и Приуралья, а также в Северном Прикаспии.

Наибольший интерес в этом плане представляют памятники репинского типа, обнаруженные в Северном Прикаспии. Репинская культура, выделенная А.Т.Синюком на территории Среднего Дона и прилегающих к нему районах, прошла в своем развитии два этапа — ранний и поздний (Синюк А.Т., 1981. С.8-19). Материалы раннего этапа на территории волго-уральского междуречья практически не представлены, что связано с ограниченностью первоначальной территории репинской культуры пределами Среднего Дона. На втором этапе происходит широкое распространение репинской культуры в степной и лесостепной зонах Днепро-Донского региона.

А.Т.Синюк связывает этот процесс с возросшей активностью ямных племен, воздействующих на репинские племена (Синюк А.Т., 1980. С.65). Именно в этот период в Северном Прикаспии появляется группа поселений позднерепинского облика. И.Б.Васильев отмечает серию из

10 памятников этого типа, в том числе три с сохранившимися культурными слоями и сооружениями (Же-Калган III, Кзыл-Хак I и II) (Васильев И.Б., 1990. С.11). Наиболее полно исследованы поселения Кзыл-Хак I-II (Барынкин П.П., 1986. С.80-94; Барынкин П.П., Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1998. С.179-192), где собрана коллекция керамики близкой, с одной стороны, керамике II хронологического этапа репинской культуры (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. Табл. 30, 31), а с другой - керамике ряда ямных погребений Нижнего Поволжья (Быково II, 2/3, Верхнепогромное, 19/11, Скатовка, 5/3, сосуды 2 и 3), Среднего Поволжья (Екатериновка IV/I, Покровка I, 15/I) и, особенно, Волго-Донского междуречья (Щаца, 6/4, Вертячий, 7/28, сосуды 1 и 2, Ильевка, 5/1) (Шилов В.П., 1985. С.112. Рис.20,5; Мамонтов В.И., 1970. С.10. Рис.2,8; Мамонтов В.И., 1986. Рис.15,10,11). Характерными чертами такой керамики являются широкие тулова, округло-конические днища, сужающиеся шейки. У части горшков отмечены высокие, желобчатые венчики. Большая часть сосудов украшена орнаментом в виде поясков "жемчужин" на внешней стороне, гораздо реже пояски образованы ямками под венчиками. Орнамент на тулове наносился чаще всего наколами или оттисками шнура, образующим горизонтальные композиции, реже использовался гребенчатый штамп (Барынкин П.П., 1986. С.84-89).

Распространение поселений репинского типа к северу от Нижнего Поволжья не зафиксировано за исключением находок отдельных фрагментов сосудов, которые можно сравнивать с репинскими (Черемшанская стоянка, Старо-Яблонское II, Шигонское поселения и другие на правом берегу Волги (Васильев И.Б., 1981. С.51. Табл. 28,6,16,17;32), II Большераковская стоянка на Соку (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1991. С.111. Рис.4, 7-12). Погребения, где обнаружена керамика репинского типа, относятся к ямной культуре. Трудность выделения погребальных комплексов, которые с большой долей вероятности можно было бы отнести к репинской культуре, объясняется тем, что собственно репинские могильники практически неизвестны и на Среднем Дону.

В то же время, когда в Северном Прикаспии фиксируется приток нового населения, оставившего памятники репинского типа, в лесостепном правобережном Поволжье появляются памятники алексеевского типа. Выделенная впервые И.Б.Васильевым (Васильев И.Б., Непочатых В.А., 1977. С.66-76; Васильев И.Б., 1981. С.44-50), эта группа сочетала в себе черты как западных культур типа поздней среднестоговской и репинской, так и северных, типа волосовской. Характерными чертами керамики алексеевского типа являются желобчатые и загнутые внутрь венчики, орнамент в виде чередующихся коротких и длинных оттисков гребенчатого штампа. Встречается орнамент, выполненный веревочкой, образующей треугольники, сетки, зигзаги (Васильев И.Б., 1981. Табл.25). Кроме Алексеевской стоянки и близких ей памятников в более южных районах (ур. Мартышкино, Алтата) (Васильев И.Б., 1981. С.46. Табл. 28, 1; 29,3; Деревягин Ю.В., Третьяков В.П., 1974. С.251. Рис.2), свидетельством контакта с северным, волосовским миром являются стоянки в лесостепном Заволжье: Елшанская I и II (Васильев И.Б., Пенин Г.Г., 1977. С.20. Рис.7;

12), Виловатовская (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г., 1980. С.172. Рис.13), Ивановская (Моргунова Н.Л., 1980. С.112. Рис.6), Шигонская (Выборнов А.А., 1980. С.15-16), Гундоровская и ряд стоянок на р.Сок (Овчинникова Н.В., 1996. С.14-15). Материалы этих памятников, прежде всего керамическая серия, отличаются от классических волосовских материалов. И.Б.Васильев справедливо считает, что специфика данной группы не позволяет включать ее в волосовскую культуру (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С.62-63). Однако нельзя согласиться с выводом о том, что в ямных погребениях отсутствуют следы контактов ямных и волосовских племен (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С.63). По крайней мере, в керамике ряда погребений ямной культуры с территории Среднего Поволжья такое взаимодействие достаточно четко фиксируется. Остается добавить, что такой контакт между оседлым и подвижным населением, каким являлись волосовские и ямные племена, не только возможен, но и, как правило, неизбежен в силу восприимчивости последними отдельных элементов культуры своих оседлых соседей.

Таким образом, лесостепная зона волго-уральского региона была занята группами позднеэнеолитического населения, связанного в той или иной мере с северными культурными образованиями, прежде всего, с волосовскими племенами. Представляя собой небольшие общины оседлого населения, они не могли сыграть значительной роли в становлении подвижной ямной культуры, хотя отдельные элементы нашли свое отражение в материальном комплексе тех ямных племен, которые занимали пограничную территорию, прежде всего, в лесостепной части Поволжья. Принимая датировку этого периода первой половиной III тыс. до н.э., необходимо отметить, что в степной зоне Волго-Уралья уже существовали памятники ямной культуры. Поэтому не следует преувеличивать роль алексеевских и волосовских памятников в этом процессе (Васильев И.Б., 1981. С.56). К тому же, как показывают последние исследования, распад хвалынского-среднепалеолитической общности приходится на конец IV тыс. до н.э., после чего начинает формироваться круг культур, входящих в ЦМП, в том числе и ямная культура (Черных Е.Н., 1988. С.42; Трифонов В.А., 1983. С.24-25). На ранних этапах формирования классической ямной культуры можно говорить только об определенном влиянии репинской культуры, прошедшей к началу III тыс. до н.э. в своем развитии первый ранний этап (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С.59).

Именно к тому периоду относятся погребения ямной культуры Волго-Уралья, где фиксируются черты репинской культуры, выраженные, прежде всего, в керамике.

Древнейшими памятниками ямной культуры на Средней Волге можно считать ряд погребений могильника Покровка I (рис.3,1,3,4), где в одном из комплексов (погребение 15/2) обнаружен сосуд репинского типа (рис.14,3), а также Екатерининские погребения (рис.2,1-4), которые, вероятно, были не курганными, а грунтовыми, со всеми признаками ямного погребального обряда. Сосуд из погребения Екатерининка V/1 (рис.14,1) представляет собой одну из самых архаичных форм, сопоставимую с репинскими сосудами. К

раннему этапу ямной культуры относится погребение Лопатино II, 3/2 с сосудом уникальной для Поволжья формой (рис.14,6) и двумя костяными рогатками (рис.13, 12,13) которые датируются периодом, предшествовавшим молоточковидным булавам, а также комплекс Лопатино I курган 31 с архаичной керамикой репинского типа (рис.14,4,5). Другие погребения в силу своей безынвентарности не могут быть отнесены с уверенностью к раннему периоду ямной культуры в Самарской Заволжье.

Малочисленность раннеямных погребений свидетельствует, скорее всего, о том, что ямные племена в средневожском регионе являются пришлыми. Возникнув как степная культура, раннеямные племена постепенно осваивали южнолесостепную зону Волго-Уралья, в т.ч. Самарское Заволжье. Время расселения ямных племен к северу – северо-востоку от Нижнего Поволжья – первая половина III тыс. до н.э. по традиционной периодизации бронзового века. Можно предположить пути этого движения, картографировав имеющиеся ямные памятники. Памятники ямной культуры приурочены в основном к р.Волге и ее притокам, протекающим, в основном, в широтном направлении (Екатериновка на Волге, Покровка на Самаре, Лопатино на Соку).

В целом, процесс, реконструируемый как переход оседлого неолитического населения к новому образу жизни в южных районах лесостепного Поволжья и как следствие - изменение характера изучаемых археологических памятников (от поселенческих к исключительно погребальным) достаточно сложен. Можно отметить, что погребения первого этапа в очень малой степени демонстрируют черты наследственности от предшествующего, неолитического этапа. К таким признакам в средневожских комплексах можно отнести лишь отдельные хвалынские реминисценции в облике Екатериновских погребений (гарпун, бусина из раковины) (рис.12,4,6), вытянутые погребения самарского типа и формы наконечников стрел неолитического облика из погребений Лопатино I,31/1; Лопатино II,2/3 (рис.11,16-18).

К более позднему этапу ямной культуры на территории Самарской области можно отнести ряд погребений, содержащих материалы т.н. классической “городцовской” ямной культуры.

Это захоронения, где имеется погребальный инвентарь (Покровка I, 12/1, 17/1, Кутулук I,4/1, Владимировка,1/6) (рис. 3,2; 4,1,5), относимый к классической ямной культуре. Большинство безынвентарных погребений могут быть отнесены к ямным по признакам погребальной обрядности, к которым, прежде всего, относится поза погребенных, их ориентировка, устройство могильной ямы.

В связи с этим можно отметить, что исследователями ранее уже обращалось внимание на “паразитный консерватизм погребального обряда на протяжении длительного времени” (Мерперт Н.Я., 1974. С.45). Это выражается в значительном преобладании восточной и северо-восточной ориентировки погребенных, положении костяков на спине или на правом боку с завалом на спину, разной степени окрашенности охрой, отражающей определенные ритуальные особенности. Анализ погребального инвентаря, как правило, приводит исследователей к отнесению конкретного погребения, со-

держашего погребальный инвентарь, или к ямным (классическим, развитым и т.д.), или к позднейшим комплексам (Васильев И.Б., 1979. С.36-40; Археология Украинской ССР, 1985. С.350-352). Первые характеризуются устоявшимися, присущими только ямной культуре типами вещей, в облике которых нет следов влияния последующих культур, например, волосовской или катакомбной, однако встречаются предметы, являющиеся импортами или подражанием импорту синхронных культур, таких как майкопская, новосвободненская или репинская. Вторые комплексы отражают те изменения, которые происходят с отдельными типами вещей в результате инокультурных воздействий наряду с эволюционным развитием собственно ямных форм. В результате большое количество погребений без инвентаря, а в Среднем Поволжье это около 40% захоронений, и отсутствие четких, присущих только определенной хронологической группе, признаков погребального обряда, приводит к тому, что значительная часть безынвентарных погребений попадает в поздний хронологический этап.

Ямные племена освоили степные просторы Заволжья, оставив после себя многочисленные курганы - надмогильные земляные насыпи. До этого, в эпоху энеолита, лишь отдельные поселения и погребения на берегах рек Самара и Сок свидетельствовали о расселении первобытных племен на территории Самарской области.

Ямные племена вели кочевой образ жизни, занимаясь прежде всего скотоводством. На это указывает полное отсутствие поселений ямной культуры. Этот факт засвидетельствован на территориях распространения ямной культуры от Урала до Днепра. Лишь на самом западе - в Нижнем Поднепровье, там, где ямные племена соседствовали с земледельческими культурами Балкано-Карпатского региона, встречены ямные поселения.

Передвигались ямные племена, видимо, по открытым степным пространствам, но хоронили своих умерших, как правило, недалеко от рек - на ровных участках первых надпойменных террас. Таких могильников, состоящих из большого количества курганов, немало расположено вдоль левого берега Волги от р.Большой Иргиз до р.Ахтубы. Есть такие могильники и на территории Самарской области на берегах Волги и ее притоков - Самара, Сок, Чагра, Кутулук, М.Кинель, но они по количеству насыпей уступают нижеволжским. Однако встречаются и крупные могильники, например, у с.Покровка Нефтегорского района. В ряде случаев (Екатериновка, Микулино) курганные насыпи не зафиксированы, что можно считать исключением из правил, или особым характером данных грунтовых погребений.

Основная масса курганов - это средние по размеру и невысокие насыпи простой конструкции, содержащие, как правило, одно погребение ямной культуры, расположенное в центре подкурганного пространства или с небольшим смещением к югу. В ряде случаев зафиксированы остатки рвов вокруг курганов. Как правило, рвы имели вид кольца или полукольца у подножия насыпей.

Основными и единственным типом погребального сооружения для ямных памятников на территории Самарской области являлась могильная яма, вырытая в материке. Чаще всего они имели прямоугольную

форму со скругленными углами, реже подовальную или подквадратную форму. Конструкция погребальной камеры характеризуется преобладанием отвесных стенок и гораздо реже наблюдается заметное сужение стенок ко дну.

В Среднем Поволжье встречается редкий для ямных погребений других регионов обряд сожжения перекрытых могильных ям (Екатериновка I/8, Утевка III,4/1, Владимировка,3/1). Одним из основных элементов погребального обряда является положение погребенного. Основными позами можно считать положение погребенных на спине, скорченно, реже с завалом на правый бок, и на правом боку. Именно позиция погребенного на спине с завалом на правый бок преобладает среди погребений на Средней Волге и Приуралье, что придает им локальную специфику.

Кроме одиночных погребений, встречаются парные захоронения. Чаще всего в одном парном погребении лежат мужчина и женщина (Березняки I, 14/1) (рис.3,5), мужчина и ребенок (Николаевка III,3/1,2) (рис.8,2), причем мужчина, занимая доминирующее положение, лежит на спине скорченно, а сопровождающие слева, как бы за спиной, черепом и конечностями развернуты в сторону мужчины. В ряде случаев отмечается следующая закономерность в расположении рук — у мужчины одна или обе руки лежат на тазе, а у женщин, согнутые в локтях — на груди или даже на плечевых костях.

Доминирующей ориентировкой погребенных, отражающей определенную традицию ямного общества в выборе стороны света при погребении своих умерших соплеменников, являлась восточная (северо-восточная) ориентировка. Это направление зафиксировано в 90% ямных погребений Средней Волги. Полностью отсутствует юго-восточная ориентировка. Очень редко встречается северная ориентировка (Кашпир II,8/1, Екатериновка I/8) (рис.2,2). Растительные покрывала на погребенных и органические подстилки зафиксированы в большом количестве средневожских ямных погребений, также как подсыпка на дно могилы охры в виде порошка, и иногда в виде небольших комков. Следы огня внутри могил зафиксированы в ряде случаев, а в Кашпирском III могильнике отмечены случаи обожжения костей погребенных (2/2, 3/1).

Применение охры в окрашивании различных частей тела погребенного часто встречаемый элемент погребального обряда ямной культуры всего степного пояса, в том числе и средневожского региона. Обычай густо окрашивать умерших в равной степени был присущ как взрослым, так и детским погребениям.

Погребальный инвентарь.

Составной частью погребального обряда ямных племен являются немногочисленные вещи, сопровождавшие умерших. Как и в других районах распространения ямной культуры, на территории Самарской области часто встречаются погребения, лишенные погребального инвентаря. Таких в Среднем Поволжье 40%. В остальных погребениях инвентарь представлен хотя бы одной из категорий находок — металла, керамики, кости, кремневых и каменных орудий, украшений из различных материалов.

Все сосуды из ямных погребений изготовлены из глины способом ручной лепки. У большинства внешняя поверхность сглажена с помощью зубчатого штампа, щепы, травы или пальцами. Эти следы хорошо видны в виде борозд или расчесов. Следы такой же обработки нередко встречаются и на внутренней поверхности сосудов. Сосуды слабо обожжены, в большинстве случаев имеют коричневатый, реже темно-серый цвет. В качестве примеси очень часто использовалась толченая раковина. Вся керамика разделена по таким морфологическим признакам, как форма венчика и дна на три отдела (Турецкий М.А., 1988. С.80).

1. Бесшейные круглодонные сосуды, наиболее типичная ямная керамика, не встречается в Среднем Поволжье (исключение – маленький сосудик из Николаевки III, 3/1) (рис.17,5). Бесшейные сосуды с уплощенным дном достаточно часто встречаются в ямных погребениях Самарской области (Владимировка, 4/4, Березняки I, 14/1, с.2, Преполовенка I,2/1, Журавлиха I,1/16, Кряж I,4/1) (рис.14,8-12).

2. Сосуды с четко выделенной шейкой и круглым дном (Екатериновка V/1, Покровка I,15/2, Лопатино I,31/яма I, Лопатино II, 3/2) (рис.14,1,3-5).

3. Чашечки – сосуды небольших размеров с округлым дном и очень приземистой формы (Екатериновка II/3, Березняки I,14/1, с.1, Лопатино I, 31/1) (рис.17,6-8).

Орнамент покрывает или верхнюю половину или всю поверхность сосуда. Чаще всего используются элементы веревочного орнамента, мелкозубчатый штамп, гладкий штамп и различные вдавления. Из композиций наиболее часто встречаемые – висячие треугольники, параллельные линии, ряды оттисков штампа. На ряде сосудов орнамент отсутствует совсем.

Ведущей категорией погребального инвентаря являются орудия труда из меди, бронзы и биметаллические (медно-железные) предметы. Типологический стереотип, присущий всей ЦМП, выраженный в производстве обязательных типов изделий из металла (Черных Е.Н., 1978. С.61) нашел свое отражение и в материалах ямной культуры Самарского Поволжья.

Самой многочисленной группой являются ножи листовидной формы с длинными черешками и прямыми плечиками (рис.10). Все они изготовлены из меди МП и восходят к образцам майкопской культуры (Мунчаев Р.М., 1975. С.254. Рис.56).

Весьма многочисленны находки шильев. Встречаются экземпляры двух типов – без упора и с упором, квадратным в сечении. Оба типа имели широкое территориальное и хронологическое распространение (рис.9,5,6,9-14).

Уникальный “меч-скипетр” из погребения Кутулук I,4/1, вероятно, мог служить и как боевое орудие, и как ритуальное (рис.9,1). Его размеры (около 50,6 см в длину) и вес (1,5 кг) делают этот предмет самым массивным орудием эпохи раннего бронзового века всего волго-уральского региона.

К изделиям, изготовленным из кости и рога, относятся костяные рогатки (Лопатино II, 3/2, Покровка I, 17/1) (рис.13,12-14), гарпун (Екатериновка V/1) (рис.12,4), т.н. “флейта Пана” – набор из 7 ножных костей птиц и ожерелье из 12 костяных просверленных подвесок (Николаевка III, 3/1) (рис.12,3,8).

Немногочисленны находки кремневых орудий в ямных погребениях Самарского Заволжья. Выделяются два комплекса, где были обнаружены наборы кремневых предметов (Екатериновка II/3; Кряж I, 2/1) (рис.11, 6-15). В первом – это массивные скребловидные орудия, во втором – орудия на пластинах и отщепах.

Наконечники стрел из кремня встречены в четырех погребениях (Лопатино II,2/3, Лопатино I,31/1, Кряж III,1/2, Кряж I,2/1) (рис.11,14-19). Два наконечника треугольной вытянутой формы, два наконечника с выемкой в основании и один – листовидной формы.

Среди каменных предметов можно отметить пест из Владимировки, 1/6 (рис.11,3).

Приведенное описание характеризует классические погребальные комплексы культуры, именуемые в научной литературе последних лет, как “классические городцовские ямники”. И это вполне удачное определение, т.к. и погребальный обряд и сопровождающий инвентарь ямных погребений этого времени аналогичен по всей территории распространения ямной культурно – исторической области – от Урала и до Дуная. Курганы ямной культуры являются эталонными при характеристике раннего бронзового века степей Восточной Европы.

Следующий период – средний бронзовый век традиционно датируется последней четвертью III тысячелетия и до начала II тысячелетия до н.э. Но, в связи с получением в последние годы представительной серии радиоуглеродных дат, возможно удревнение данного периода до середины III тысячелетия до н.э. Важнейший признак эпохи средней бронзы для территории Восточной Европы – это влияние центральноевропейских культур, культур Кавказа и Закавказья. В результате этих внешних влияний появляются принципиально новые культурные образования. К такому относятся культуры фатьяново – балановского облика в лесной зоне и культуры катакомбного круга степной и лесостепной полосы. На территории Самарского Поволжья в этот период появляется пласт памятников, который характеризуется монументальностью насыпей некоторых наиболее выдающихся курганов и сооружением внутримогильных конструкций в виде сложных сочетаний уступов, ступеней, канавок и столбовых ям у большинства погребений. Интерпретация именно этой группы погребений является предметом дискуссий, которые ведутся уже на протяжении нескольких десятилетий. Они особенно активизируются с появлением новой группы источников. Общее наименование дискуссионной темы звучит в литературе, как “полтавкинская проблематика”. Впервые эту к этой проблеме обратился саратовский археолог П.Д.Рау, ученик П.С.Рыкова (Рау Р., 1927; 1928; 1929). Он выделял три последовательных периода: ямную ступень, полтавкинскую и более позднюю группу памятников. Важно, что термин “культура” исследователь не использовал. Для П.Д.Рау были равнозначны и синхронны ступень полтавкинская и ступень катакомбная, известная в те годы по памятникам донецкого региона. Со временем стало очевидным, что катакомбные памятники занимают огромную территорию черноморско-каспийских степей. В некоторых регионах, например в Калмыкии, катакомбные захоро-

нения составляют большинство всех подкурганных погребений. Погребальные комплексы средней бронзы Поволжья составляют сравнительно небольшой процент от всех захоронений. Вместе с тем, погребальный обряд чрезвычайно разнообразен и не создает эффект монолитности. Именно эти два обстоятельства и заставляют периодически обращаться к интерпретации погребений среднего бронзового века. Наиболее убедительно выводы о существовании в среднем бронзовом веке самостоятельной полтавкинской культуры представлен в работах Н.К.Качаловой на основе анализа нижневолжских погребений (Качалова Н.К., 1962. С.35-36; 1967. С.19-21). Вместе с тем, следует отметить, что отличие полтавкинской культуры от срубной выглядит более рельефно, чем от ямной. Расширение географии исследований позволило установить и основной ареал распространения полтавкинских материалов, занимающий всю территорию Волго-Уральского междуречья. Достаточно обширная географическая зона распространения памятников средней бронзы в комплексе с территориальными особенностями полтавкинских памятников позволили И.Б.Васильеву и Н.К.Качаловой говорить о полтавкинской общности, имеющей четыре локальных варианта - культуры: нижневолжский, средневолжский, приуральский и прикаспийский (Васильев И.Б., 1979. С.48-49; Качалова Н.К., 1983). Данная терминология является своеобразным продолжением и развитием таксономических определений, применяемых Н.Я.Мерпертом (Мерперт Н.Я., 1974). Принципиально новым положением в работах авторов является интерпретация термина "общность", как менее обширного, чем понятие "область". Под культурой исследователи понимают локальную группу памятников в пределах конкретной природно – географической зоны. Выделение полтавкинской общности позволило рассматривать памятники эпохи средней бронзы региона как самостоятельную таксономическую единицу, сравнимую с катакомбной общностью (катакомбным кругом культур). Рассмотрение памятников эпохи средней бронзы в рамках полтавкинской КИО было продолжено в работах П.Ф.Кузнецова (Кузнецов П.Ф., 1989; 1991а). Автор показал взаимосочетание сложных конструкций погребений средней бронзы и плоскодонной посуды, полностью покрытой орнаментом. Анализ деталей погребального обряда позволил автору сделать вывод о единстве выделяемых обрядовых групп. Особенное значение уделено социальнозначимым особенностям обряда. Вероятно, излишняя детализация погребальных признаков не дали возможности автору раскрыть территориальные и хронологические особенности выделяемых групп. Проблема необычайно большого разнообразия погребального обряда оставалась открытой. Ранее была выделена группа погребений, которая характеризовалась Н.К.Качаловой и И.Б.Васильевым как позднеполтавкинская (Качалова Н.К., 1962. С.33; Васильев И.Б., 1979. С.47). Таким образом, для средней бронзы было намечено выделение, как минимум, двух этапов. Характеристикам развития эпохи посвящен ряд работ В.И.Мельника и М.А.Турецкого (Мельник В.И., 1985; Турецкий М.А., 1990. С. 56-57; 1992а. С. 64-73). Исследователи констатируют наличие двух групп – культур. В.И.Мельник именует их как "полтавкинская" и "катакомбная", М.А.Турецкий, соответ-

ственно - “позднеямная” и ”полтавкинская”(связанная своим происхождением с катакомбной). Парадоксальность ситуации заключается в том, что специалисты, исследовавшие более западные, собственно катакомбные памятники, выделяют самостоятельную группу погребений, аналогичную поволжской (Братченко С.Н., 1976. С.23; Смирнов А.М.,1996. С.87-98). Эти захоронения с “елочной” керамикой интерпретируются, как полтавкинское влияние. Таким образом, многие проблемы, связанные с интерпретацией памятников эпохи средней бронзы, требуют дальнейшего всестороннего анализа. В настоящее время достаточно обоснованно представляются следующие положения: 1) погребения со ступенями и уступами, с погребенными на боку хронологически более поздние, чем классические ямные захоронения; 2) в погребениях со ступенями появляется плоскодонная посуда; 3) существует определенная культурная преемственность эпох на территории Волго-Уралья; 4) ранний период эпохи средней бронзы возможно именовать как ямно – полтавкинский, или раннеполтавкинский. Интерпретация позднего периода представляется более проблематичной. Вероятно, он является свидетельством отражения сложных взаимосвязей полтавкинского, катакомбного и позднеямного населения более южных и юго-западных территорий.

Остановимся более подробно на характеристике групп погребений среднего бронзового века Самарского Поволжья.

Погребения обнаружены в следующих курганных могильниках: Абашево II, Аверьяновка I, Андреевка I, Владимировка, Грачевка I, Гвардейцы II, Давыдовка, Кряж I, II, Кашпир III, Калиновка I, Красносамарское I, II, III, Кутулук III, Лопатино I, Нижняя Орлянка I, Нур III, Покровка I, Преполовенка I, Сускан, Светлое Озеро, Тамбовка II, Утевка I, V, VI (рис.1).

Наиболее северные памятники известны по левобережью р. Сок - это погребения Калиновского I и Нижнеорлянского I могильников. Крайние южные памятники исследованы на реке Чагре - Владимировский курганный могильник и реке Большой Иргиз – Тамбовка II. Эта территория определена как пограничная между лесостепью и степью (Почвы СССР, 1979. С.47-49). Вместе с тем, она практически полностью охватывает западную часть Заволжской степной провинции обыкновенных и южных среднемошных черноземов, окаймляясь на юге зоной каштановых почв (Почвы Куйбышевской области, 1949; Почвы СССР, 1979. С.47-49. Рис. 5). Степные участки, чередуясь с листовыми и смешанными лесами, отличаются обильным разнотравьем. Специфическая особенность этой южной части Среднего Поволжья, в отличие от Нижнего Поволжья, заключается также в большом количестве притоков Волги (Сок, Самара, Б.Иргиз и другие). Их протяженность достигает 300-400 км (Природа Куйбышевской области, 1990. С.101).

Курганы располагаются, в основном, на первой надпойменной террасе, а также на участках высокой поймы. Насыпи полтавкинское времени сооружаются непосредственно на территории ямных курганных могильников. Яркий пример тому - Лопатинский I могильник, в составе которого сейчас насчитывается 39 курганов. Из них в 1985-1987 годах

было исследовано четыре кургана. Один курган датируется раннеянным временем, два кургана - эпохой средней бронзы, и один относится к срубному периоду. Причем расстояние между двумя крайними в могильнике полтавкинскими курганами составляет порядка 1,5 км.

Полтавкинские погребения в насыпях полтавкинских же курганов обнаружены дважды. Это погребение 2 кургана 1 Красносамарского I могильника и погребение 2 кургана 1 Утевского I могильника. Но ни в том, ни в другом случае нельзя утверждать о хронологически большом разрыве этих погребений с основными захоронениями курганов. Характерно, что последующие срубные погребения Среднего Поволжья также крайне редко впускались в полтавкинские насыпи. Срубные могильники, в отличие от ямных и полтавкинских, сооружаются на высоких террасах, сравнительно далеко от основного русла рек, и на водоразделах.

Основой классификации погребальных комплексов среднего бронзового века являются признаки, характеризующие особенности насыпи кургана и подкурганной площадки, внутримогильные сооружения, использование охры и мела, позу погребенного, ориентировки, специфику сопровождающего инвентаря.

Первая обрядовая группа погребений. Учтено 12 погребений, содержащих останки 14 погребенных. Только для этой группы характерным является наличие курганных насыпей большого объема — от 100 до 300 куб. м. Десять могильных ям имеют сравнительно крупные размеры за счет широких и глубоких уступов, доходящих иногда до половины высоты ямы. Уступы - ступени располагаются вдоль всех четырех, либо двух сторон ямы. Все могильные ямы имеют правильные прямоугольные контуры. Несколько необычна конфигурация и местоположение костяка 2 погребения 1 кургана 4 Утевского I могильника, помещенного в своеобразную яму, смыкающуюся с основной могильной ямой. Могильные ямы ориентированы по линии восток - запад, либо северо-восток — юго-запад. Характерной особенностью погребений этой группы является конструкция могильной ямы, свидетельствующая о наличии сложных внутримогильных сооружений. В связи с их изготовлением была существенно видоизменена конфигурация простой могильной ямы. Зафиксированы ступени или уступы у 6 могильных ям из 12. Погребение 1 кургана 2 Утевского I могильника (рис.7,3) и погребение 4 кургана 4 Владимировского могильника (рис.6,2) имели на дне ям вдоль длинных стенок канавки шириной до 13 см глубиной до 5-6 см. В семи погребениях по углам и вдоль стенок могильной ямы расширены ямки с коническим дном, имеющие диаметр от 5 до 25 см и глубиной до 65 см. Наиболее крупные ямки находились по углам могильных ям, а также в середине длинных сторон. В ямках крепились колышки и столбы, придерживающие органические обкладки стенок могильной ямы. В сочетании с деревянным перекрытием они составляют единый комплекс внутреннего оформления могильной ямы. В пяти погребениях обнаружены следы деревянного перекрытия могильной ямы, либо они перекрывались кожей. Имеются и углистые прослойки, которые сохранились в заполнении

ямы. (Утевка I,1/1,2/1,3/1,4/1, Красносамарское I,1/4, Светлое Озеро, 1/1,2/3, Владимировка,4/4).

Одним из основных признаков внутримогильного оформления погребений первой обрядовой группы является подсыпка охры на дне могильной ямы в виде отдельных пятен, либо равномерно покрывающей все дно могильной ямы. Все погребения имели посыпку дна ямы охрой.

Весьма своеобразно применение огня. Следы огня зафиксированы в 7 погребениях. Применение огня здесь строго однозначно, т.к. его следы зафиксированы в могильной яме в виде сгоревших и обожженных органических прослоек, обнаруженных в заполнении могильной ямы; обожженные деревянные внутримогильные конструкции, а также обкладки вдоль стенок могильной ямы. При этом следов явного сожжения, либо сильного обожжения тела погребенного, оставляющего следы на костяке, не зафиксировано. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что сожжению подвергалась конструкция внутримогильной ямы. Характерным является то, что непосредственно на следах сгоревшей конструкции обнаружены прослойки песка и глины, а выше - гумусное заполнение всей ямы.

Примерно половина погребенных ориентирована головой на северо-восток, другая - на восток.

Основное положение погребенных - на спине с согнутыми вправо ногами (46%), либо на правом боку (31%). Довольно часто лицевая часть черепа погребенных на спине также развернута вправо. Разворота погребенных влево не зафиксировано. Руки либо вытянуты вдоль тела и лежат у таза, либо одна вытянута, другая уложена на тазовых костях.

Все погребенные окрашены охрой. Зафиксирована различная интенсивность окраски - от полностью окрашенных и до частично окрашенных. Но здесь необходимо отметить, что степень интенсивности окраски погребенного является слишком субъективным признаком, т.к. достаточно четких критериев в настоящее время не разработано.

Характерным признаком погребений первой группы является наличие большого количества разнообразного инвентаря. Большая часть сопровождающего погребального инвентаря обнаружена у ног (30%) и рук (23%). Лишь 15% всего инвентаря было у головы погребенного. Наиболее представительные коллекции находок получены в результате исследования курганов 1 и 2 Утевского I могильника. В погребении 1 кургана 1 (рис.7,1) обнаружены разнообразные металлические изделия: топор, черенковый нож, шило, тесло, уникальные золотые подвески, каменный жезл-пест усеченно-конической формы, сосуд с уступом и зауженным горлом (рис. 9,2,3,8,10; 10,2; 13,1,2; 15,1) Особенно необходимо отметить находение в комплексе стержневидного медного орудия совместно с железным, сильно окисленным предметом подквадратной формы, прикипевшим к одному из концов. Очевидно, в данный период на территории Среднего Поволжья и Приуралья уже умели обрабатывать железо. В основном погребении кургана 2 Утевского I могильника (рис.7,3) обнаружены черенковый нож, шило, штыковидное изделие, спиральные пронизки, каменный жезл-пест подпрямоугольной формы, плоские и грушевидные

бусы из камня, уникальное пастовое изделие в виде “лягушки”, изделие из камня вытянутой формы, набор инвентаря из подязычной кости лошади, сосуды с уступом и зауженным горлом (рис.9,4,11; 10,4; 11,4; 12,2,7; 13,5-11; 16,4).

Несколько необычный характер имеет инвентарь погребения 4 кургана I Красносамарского I могильника - крупный каменный жезл-пест (рис.11,1), сердцевидная глиняная лепешка, и необычное изделие из кожи с медными гвоздиками. Своеобразие Красносамарских погребений, в отличие от Утевских, заключается в чрезвычайно усложненном способе оформления погребальной камеры при общей обедненности дошедшего до нас инвентаря. Прочие погребения имели стандартный инвентарь: сосуды баночной и горшковидной формы, кремневый наконечник стрелы.

Погребения трех крупных курганов были ограблены в древности – курганы 3, 4 Утевского I могильника, курган I Лопатинского I могильника. На бедренной кости погребенного из последнего кургана сохранилось пятно зеленого окисла меди длиной до 50 см, что свидетельствует о наличии в этом погребении богатого инвентаря.

Вторая обрядовая группа погребений. Учтено 16 погребений, из них погребение 1 из кургана I Красносамарского III могильника было парным (рис.6,4). Все погребения второй обрядовой группы были основными под небольшими насыпями, имеющими максимальный объем до 65 куб.м земли. Половина всех основных погребений имела кольцевой ровик в материке под насыпью кургана.

Большинство погребенных помещены в могильные ямы правильной подпрямоугольной формы средних и мелких размеров, причем погребения средних размеров явно преобладают - соответственно 53% и 35%. Большинство могильных ям (13 из 16) ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Лишь в 15 погребениях обнаружены ступени и в 5 погребениях - столбовые ямки. Сочетание этих двух признаков зафиксировано только в двух погребениях – погребение 1 кургана I Давыдовского могильника и погребение 1 кургана I Кашпирского III могильника. Столбовые ямки сооружались только по углам могильной ямы и в середине длинных сторон ямы (погребения Сусканского могильника). Уникальным является нахождение столбовых ям не в самом погребении, а вокруг него - в Кашпирском III могильнике.

Широкий спектр признаков характеризует внутреннее оформление ямы. Преобладающим является подсыпка дна могильной ямы охрой - 66%. Посыпка порошком охры сочеталась с положением в яму ее кусочков. Меловая подсыпка или наличие кусочков мела не зафиксировано. Несколько реже стенки могильных ям обкладывались корой, травой, либо камышом (14%). Также сравнительно редко следы деревянного перекрытия ямы и покрывала над погребенным - 39% и 17%. Напротив, следы органической подстилки зафиксированы в 11 погребениях, что составляет 61%. Десять из шестнадцати погребений имеют сочетание органической подстилки и подсыпки охрой.

Таким образом, наличие подстилки и подсыпки охры в погребении являются основными определяющими признаками для погребений вто-

рой группы в сочетании с определяющими признаками, характеризующими степень окрашенности погребенного, наличие и местоположение инвентаря.

Только погребение 1 кургана 5 Утевского III могильника не имело следов оформления могильной ямы, хотя и содержало обильную прослойку охры на дне. Напротив, погребение 1 кургана 2 Сусканского могильника и погребение 1 кургана 1 Красносамарского III могильника не имели следов охры в могильной яме, но здесь зафиксированы сложные внутримогильные конструкции из дерева и прослоек коры, как по дну и стенкам могильной ямы, так и в заполнении ее. Два погребения - погребение 1 кургана 3 Красносамарского I могильника (рис.8,3) и погребение 1 кургана 2 Кряжского I могильника (рис.5,3) не содержали следов внутримогильных сооружений. Тем не менее, погребение из Красносамарского было совершено в довольно крупной могильной яме, и собственно костяк погребенного был довольно интенсивно покрыт охрой. Кряжское погребение также совершено в достаточно большой яме, в заполнении которой обнаружены угли и зола. Это свидетельствует о сожжении внутримогильной конструкции. Следы воздействия огня обнаружены на накатнике погребения 1 кургана 1 Кашпирского III могильника и на лопатках, и коленях погребенного.

Преобладающая поза погребенных - скорченно на спине (50%). Но зафиксировано как положение на правом (17%), так и на левом боку (11%). В целом из 10 погребений, у которых зафиксирована первоначальная поза, шесть положены на спину, три - на бок. В парном погребении 1 кургана 1 Красносамарского III могильника костяк 1 лежал на спине, а костяк 2 был развернут лицевой частью к первому и лежал на правом боку.

Все погребенные ориентированы головой в пределах северо-восточного сектора. Положение рук неустойчиво. Различна и степень окрашенности охрой. Но здесь, в отличие от погребений первой группы, довольно большое число - 50% частично окрашенных тонким слоем охры. Не окрашен костяк из погребения 1, кургана 9 Преполовенского I могильника, хотя и имел следы охры на дне могильной ямы, а также остатки подстилки и древесный тлен.

Довольно разнообразный, хотя и менее представительный в сравнении с первой обрядовой группой, погребальный инвентарь обнаружен лежащим у головы (33%), у рук (11%) и у ног (22%). В погребениях первой группы инвентарь, напротив, лежал, в основном, у ног погребенных.

Наиболее представительными по набору изделий являются погребение 1 кургана 1 Кашпирского III могильника и погребение 1 кургана 9 из Преполовенского I могильника. Здесь имеется богатый набор металлического инвентаря: ножи, подпрямоугольные в сечении шилья, остатки медной обкладки в кашпирском погребении (рис.9,9,12,13; 10,11; 10,9,10).

Остальной инвентарь представлен различными типами горшковидных форм сосудов, обнаруженных в погребении 2 кургана 2 Давыдовского могильника (рис.20,2), погребении 2 кургана 4 Красносамарского I могильника (рис.20,1) погребении 4 кургана 1 Кряжского III могильника

(рис.19,4). У черепа костяка 1 в погребении 1 кургана 1 Красносамарского III могильника обнаружено костяное кольцо (рис.12,8).

Третья обрядовая группа. Все погребения совершены под небольшими насыпями. Характерно, что под всеми насыпями обнаружены кольцевые ровики.

Могильные ямы небольшие, имеют подпрямоугольную форму. Внутримогильные сооружения не зафиксированы. Строгой закономерности ориентировок ям не наблюдается. Отсутствуют только погребения, ориентированные по линии ЮВ - СЗ.

Признаки, характеризующие сложное оформление могилы отсутствуют. В четырех погребениях присутствует частичная посыпка охры дна могильной ямы около погребенного. Эти следы позволяют предполагать, что погребенного посыпали порошком охры или растирали кусочками непосредственно в могильной яме. Такие кусочки обнаружены в погребение 2 кургана 3 Кряжского I могильника. Примерно равным числом представлена поза погребенных. Пять костяков лежало скорченно на спине и четыре - на боку.

Ориентировка погребенных - либо на северо-восток, либо, в отличие от погребений второй группы, на восток. Руки погребенных или согнуты, кисти находятся у таза, или одна согнута, а другая вытянута.

Все погребенные окрашены охрой. Интенсивность окраски этих погребений менее выражена, чем у погребений первой и второй групп. Число окрашенных погребенных преобладает - всего семь погребенных.

Инвентарь погребений третьей группы, также и у погребений второй, расположен у черепа, у рук и у ног. Вместе с тем, помещение инвентаря у головы погребенного преобладает - соответственно 45% - в первой группе, 11% - во второй, 22% - в третьей.

В трех погребениях обнаружены кости животных - погребение 5 кургана 2 Абашевского II могильника, погребение 5 кургана 1 Калиновского I могильника и погребение 1 кургана 1 могильника Светлое Озеро.

Сопровождающий инвентарь погребений представлен керамикой. Обнаружены сосуды двух типов: горшковидные, представленные формами с отогнутым венчиком, выделенной шейкой и ребром-уступом и сосуды баночной формы. Прочий инвентарь в погребениях третьей группы, содержащих керамику, отсутствовал.

Четвертая обрядовая группа. К этой обрядовой группе относятся четыре погребения. Все они не являются основными в курганах. Погребение 4 кургана 2 Абашевского II могильника и погребение 2 кургана 3 Красносамарского I могильника были в кургане, где основные погребения принадлежат второй обрядовой группе. Погребения 1 и 3 кургана 1 Кряжского III могильника обнаружены под полой большой насыпью погребения первой группы.

Все могильные ямы погребений четвертой группы мелкие, слабо углубленные в материк, имеют подпрямоугольную, либо овальную форму. Ориентировка могильных ям, также как и ориентировка погребенных, неустойчива и колеблется в пределах север - юго-восток. Никаких внутримогильных сооружений не зафиксировано. Отсутствуют и ярко выраженные признаки

оформления могильной ямы. Лишь в погребении 3 кургана 3 Кряжского III могильника в заполнении могильной ямы обнаружены следы дерева.

Поza погребенного фиксируется по трем костякам. Все они лежали на правом боку. У двух погребенных зафиксировано согнутое в локтях положение рук. Необходимо отметить, что погребения Абашево II,2/4 и Красносамарское I,3/2 являются захоронениями подростков. Следов охры ни в могильной яме, ни на костях погребений не зафиксировано.

В состав погребального инвентаря погребений входили сосуды, которые обнаружены как у черепа, так и у рук, и у ног погребенных. В погребении 1 кургана 1 Кряжского III могильника у черепа погребенного обнаружен каменный предмет подпрямоугольной формы.

Сосуд из погребения 4 кургана 2 Абашевского II могильника имеет отогнутый наружу венчик, выделенную шейку и своеобразную ребристую поверхность, образованную в результате глубоких отпечатков зубчатого штампа (рис.17, 2). Кроме того, здесь обнаружена оковка от несохранившегося деревянного сосуда.

В погребении 2 кургана 3 Красносамарского I могильника обнаружен лишь фрагмент нижней части плоскодонного сосуда. Баночный сосуд вытянутых пропорций обнаружен в погребении 3 кургана 1 Кряжского III могильника (рис.19,6).

Пятая обрядовая группа. Погребения в подбоях. Четыре погребения отнесены к этой группе: погребение 1 кургана 1 и погребение 1 кургана 5 Кряжского I могильника, погребение 2 кургана 2 Тамбовского II могильника (рис.7,4) и погребение 1 кургана 2 могильника Утевка V. Это основные погребения в курганах. Насыпи небольших размеров диаметром от 13,7 до 20 м и высотой до 0,5 м. Под насыпями Кряжских и Тамбовского курганов зафиксированы кольцевые ровики. Входные ямы погребений имели небольшие размеры и овальную форму. Вдоль северной или северо-восточной стенок ямы устроен подбой. В соответствии с принятой классификацией, подбой является наиболее простой формой катакомбы. Подбой не имеет дромоса, он устроен вдоль длинной стенки ямы. Вдоль противоположной стенки может находиться небольшая ступенька.

Положение погребенных - скорченно на левом боку, Тамбовское захоронение совершено на правом боку. Ориентировка погребенных восточная и северо-восточная. Под костяком из кургана 1 погребение 1 Кряжского I могильника обнаружены следы органики. Положение рук идентично - одна вытянута вдоль тела, другая согнута в локте. Во всех захоронениях обнаружены кости животных.

Погребения в подбоях, в основном, имеют общие признаки с аналогичными погребениями Нижнего Поволжья. Исключением здесь может являться только северная и северо-восточная ориентировка погребенных, которая была широко распространена в эпоху бронзы на территории лесостепного Поволжья.

Некоторые подкурганские захоронения, имеющие отдельные признаки комплексов первой половины бронзового века, отнесены к разряду внегрупповых погребений. Это два погребения Андреевского I могильника, погребение 1 кургана 2 Абашевского II могильника и погребение

ние 2 кургана 1 Красносамарского I могильника. Погребение из Абашевского II могильника обнаружено в насыпи непосредственно над погребением 2, которое относится ко второй обрядовой группе. Впускное погребение плохой сохранности. Судя по положению костей скелета, он был ориентирован на восток. Вероятно, ноги погребенного первоначально были сильно скорчены. На костях фиксируются следы охры. В районе черепа обнаружен нож, имеющий сточенное лезвие, перехват, раскованную и уплощенную пятку черенка. Верхняя часть сосуда, обнаруженная здесь же, в наибольшей степени соотносится с горшковидными формами, имеющими зауженное горло, выделенную шейку и округлое тулово. Погребение 2 кургана 1 Красносамарского I могильника также было совершено в центральной части насыпи над основным погребением 4. Костяк плохой сохранности, лежащий на правом боку, также был сильно скорчен и, по-видимому, связан. Костяк не окрашен, но комки яркой охры найдены на щиколотках. На ступенях лежало четырехгранное шило с деревянной рукоятью (рис. 9,5) и костяное орудие непонятного назначения. Очевидно, что данное погребение, имея столь необычные обрядовые признаки, не может быть однозначно отнесено к какой-либо группе. При этом определенно фиксируется общее сходство двух описанных погребений. Каким образом возможно интерпретировать описанные погребения? Наиболее вероятны здесь две основные гипотезы: 1) данные захоронения непосредственно связаны с основными погребениями и совершены во время сооружения насыпи; 2) погребения впущены в курганы по прошествии какого-то времени, когда чисто гумусная насыпь естественным образом достаточно уплотнилась. В данный момент, при отсутствии четких стратиграфических наблюдений, мы можем использовать сравнительно неустойчивую базу косвенных данных. Основываясь на них, наиболее убедительной представляется вторая гипотеза. Об этом свидетельствует тот факт, что погребения сооружены, практически, в самых центрах курганов, определить который до завершения насыпи и до воздействия на нее природно-климатических факторов вряд ли возможно. Напротив, если допустить, что эти погребения являются сопровождающими при основных, то тогда становится не вполне ясным, почему они имеют наиболее ценный сопровождающий инвентарь - металлические изделия. Тем более нам известны два сопровождающих погребения из Утевского I могильника - ребенка и взрослого (курган 1 и курган 3), которые были безынвентарны. Соотношение центрального расположения в кургане и наличие металлического инвентаря в наибольшей степени соответствует второй гипотезе. Характерно, в этой связи, что погребения, совершенные в поле насыпи кургана 2 Абашевского II могильника, металлических изделий (за исключением скобки) не имели и глубина относительно нулевой точки была меньше, чем погребения 1 (погребение 1 - 0,92 м, погребение 3 - 0,75 м, погребение 4 - 0,25 м, погребение 5 - 0,7 м).

В результате проделанной работы выделено пять обрядовых групп эпохи среднего бронзового века и выявлена серия внегрупповых погреб-

бений, которые в процессе дальнейшего накопления материала или будут отнесены к какой-либо из групп, или образуют самостоятельные.

Наиболее ярко выраженными как по сложности погребенного объекта, так и по разнообразности погребального инвентаря являются погребения первой обрядовой группы. Здесь широко представлено не только усложненное внутримогильное устройство, но и оформление подкурганной площадки, создание монументальной насыпи. Именно для этой группы большое значение приобретает организация подкурганной площадки - окружение погребения ровиками, вырытыми в материке, кольцами из глины и золы, или оградками.

Специфической особенностью погребений первой и второй групп является сооружение внутримогильных конструкций. Наиболее распространенным признаком сооружений, усложняющим конфигурацию ямы, является создание уступов и ступенек в могильной яме. И.Б.Васильевым приведена довольно подробная сводка памятников из Предкавказья и Кавказа, в которых зафиксированы аналогичные признаки (Васильев И.Б., 1979. С.41). Это памятники позднего этапа предкавказского варианта ямной общности, существующего в катакомбное время (Мерперт Н.Я., 1968), а также памятники северокавказской культуры (Нечитайло А.Л., 1978). Последние в своем оформлении имеют также кольцевые ровики и каменные пояса. К другим конструктивным деталям погребальной камеры относятся деревянные растительные перекрытия, а также внутримогильные конструкции из вертикально стоящих столбов (колье) и обкладки стенок циновками из коры, бересты или камыша. Деревянные перекрытия встречаются в виде толстых плах, лежащих единым накатником, отдельных горбылей и жердей, а также в виде кусков дерева, встречающихся в заполнении могильных ям. В подавляющем большинстве случаев фиксируется поперечное расположение накатников, которые своими концами заходят за края погребальной камеры. Растительные перекрытия в виде коры, бересты или камыша встречаются очень редко в качестве конструктивной детали погребальных сооружений.

Инвентарь этих погребений также позволяет усматривать определенное кавказское влияние. Это прежде всего топоры второй и третьей майкопской группы (Кореневский С.Н., 1977. С.18), золотые височные кольца, близкие украшениям из Новосвободной, Нальчика, Бамута (Попова Т.Б., 1963. Табл. II; Мунчаев Р.М., 1975. С.280, 304, 250, 251). Аналогичны позднемайкопским и северо-кавказским граненые бусы из сердолика и из меди, серебряные и медные спирали. Вполне закономерным представляется вывод о роли культур Кавказа в становлении бронзового века восточноевропейских степей. Все металлические изделия являются продукцией местного очага металлургии, а наиболее яркая находка из погребений этой группы – топор из погребения Утевка I, 1/1 (рис. 9,2), является позднемайкопской модификацией. Он имеет ряд специфических особенностей, которые повторяются только у топора из Труевской Мазы и у топоров из погребений Оренбуржья (Шилов В.П., 1975. С.104; Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994. С.67). Очевидно, это специфическая категория изделий местного очага металлопроизводства.

Таким образом, майкопское влияние представляется опосредованным, произошедшим в более раннее время, за которое произошла модификация форм изделий, обнаруженных в Утевских курганах.

Напротив, распространение обряда с использованием сложных внутримогильных и подкурганых конструкций, характерных для эпохи средней бронзы Предкавказья, в сочетании с распространением на всей территории Восточной Европы скорченных на боку погребений, позволяет синхронизировать полтавкинские памятники с северо-кавказскими и позднейшими предкавказского варианта ямной общности.

Погребения второй и третьей обрядовых групп характеризуются последовательным уменьшением числа признаков, описывающих внутреннее устройство могильной ямы и ее оформление, а также меньшим количеством сопровождающего инвентаря. Лишь три погребения второй группы (погребение 1 кургана 9 Преполовенского I могильника, погребение 1 кургана 1 Кашпирского III могильника и погребение 2 кургана 1 Кутулукского III могильника) имели ножи и шилья (рис. 9,7,9,12,13; 10,8,9). Прочий инвентарь - керамика. Это сосуды со слабо выделенной шейкой, уплощенным дном и выпянутыми пропорциями (Светлое Озеро, 3/1, Утевка I,1/1, Гвардейцы II, 1/6) (рис.15,1,3,4). Керамика украшена рядным размещением зубчатого штампа.

Большой интерес представляет серия горшковидных сосудов, украшенных рядами “шагающей” гребенки (рис. 15; 16,3,4; 17,3,4; 18; 19,1-4; 20). Всего в настоящее время известно около 30 полтавкинских сосудов. Из них девять орнаментировано горизонтальными и вертикальными отпечатками зубчатого штампа в виде “шагающей” гребенки, что составляет примерно 30% от всей керамики средневожжской полтавкинской культуры. Причиной появления этого орнамента, а также некоторых других характерных орнаментальных мотивов и композиций (заполнение всей внешней поверхности вертикальным зигзагом из зубчатого штампа, горизонтальной елочкой и др.) является отражением взаимодействия носителей курганых культур с племенами северных и северо-восточных районов Поволжья и Приуралья, где известны близкие орнаментальные композиции на волосовских и гаринских памятниках. Мотив шагающей гребенки наибольшее распространение получил на гаринской керамике (Бадер О.Н., 1961а; 1961б), тогда как на волосовской этот орнамент встречается гораздо реже (Халиков А.Х., 1969. С.127; Никитин В.В., 1978. С.21-63). В волосовской культуре находят аналогии такие мотивы, как вертикальный зигзаг из чередующихся длинных и коротких отпечатков зубчатого штампа, елочка, ряды насечек. В последнее время в лесостепном Поволжье выявлена группа материалов, которая, имея в целом наибольшее сходство с северными культурами волосовского и гаринско-борского круга, содержит и некоторые отличия и от той, и от другой, что со временем, видимо, позволит говорить об особой, юго-восточной группе памятников волосовско-турбинской культурной области. Взаимодействие позднейших - раннеполтавкинских племен с населением волосовско-гаринского типа в южных районах лесостепного Поволжья и Приуралья и привело к появлению в средневожжской полтавкинской культуре этих своеобразных орнаментов. Сле-

дует отметить, что в глубинных районах лесостепного и на юге лесного Поволжья выделяется группа памятников, в керамическом комплексе которых наблюдаются черты, характерные для керамики северной группы полтавкинских и вольско-лбищенских племен. При этом если влияние на степные скотоводческие культуры лесных и лесостепных племен прослеживается фактически только по отдельным орнаментальным композициям, то воздействие южных племен на северные, видимо, было гораздо более активным и выразилось в появлении новых культурных комплексов, как поселенческих, так и погребальных. Об этом свидетельствуют керамические коллекции таких памятников, как Галанкина Гора и часть материалов, объединяемых в рамках чирковского – сейминского культурного объединения. Вполне закономерно предположение, что в эпоху средней бронзы происходит продвижение групп южного лесостепного населения на север.

Таким образом, погребения первой, второй и третьей обрядовых групп отражают специфику раннего этапа среднего бронзового века на территории Самарского Поволжья. Здесь отчетливо фиксируется преемственность признаков обряда с предшествующим – классическим ямным этапом эпохи ранней бронзы.

Серия погребений, относящихся, в основном к четвертой и пятой обрядовым группам, обнаруженные в Абашевском, Покровском, Тамбовском, Красносамарском, Гвардейском могильниках имеют целый ряд признаков, сближающих их с погребениями Нижнего Поволжья. В этот период фиксируется целый ряд неизвестных ранее признаков. Весьма необычным для Среднего Поволжья является и обряд погребений в подбоях, относимых Н.К.Качаловой к группе позднеполтавкинских нижневолжских памятников (Качалова Н.К., 1962. С.44). Существенным признаком для нижневолжских памятников является преобладающее положение погребенных на левом боку, с руками перед лицом, или вытянутыми к коленям. Сочетание этих признаков характерно для погребений третьей и четвертой обрядовых групп.

Анализ сопровождающего инвентаря также свидетельствует, на наш взгляд, о большой типологической близости культурных признаков нижневолжских и средневолжских погребений (по классификации Н.К.Качаловой). Так на полтавкинских сосудах Среднего Поволжья в поздний период появляются орнаментальные композиции, выполненные отпечатками шнура. В Нижнем Поволжье известны сосуды, полностью аналогичные средневолжским по форме и орнаментальным композициям. Это сосуд из погребения 3 кургана 2 Покровского (г.Энгельс) могильника и керамика из погребения 16 кургана Е 25 могильника у с. Старая Полтавка. Сосуды имеют округлое тулово, орнаментированы горизонтальными рядами и зигзагом, нанесенными отпечатками шнура. Они полностью аналогичны сосуду из погребения 1 кургана 2 Абашевского II могильника. Сосуд из погребения 9 кургана 5 Бережновского могильника также по форме и орнаменту аналогичен сосуду из погребения 4 кургана 2 Абашевского могильника.

Таким образом, сочетание всех перечисленных признаков, на наш взгляд, свидетельствует о проникновении группы нижеволжского степного населения на территорию Среднего Поволжья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А.*, 1973. Отчет о раскопках Утевского III курганного могильника в Нефтегорском районе Куйбышевской области в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 5145.
- Агапов С.А., Васильев И.Б.*, 1975. Покровский курганный могильник / / Наш край. Вып. П.Куйбышев.
- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И.*, 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов.
- Андреева М.В.*, 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1.
- Археология Украинской ССР, 1985. Т.1. Киев.
- Багаутдинов Р.С., Пятых Г.Г.*, 1987. I курганная группа у с.Преполовенка // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев.
- Бадер О.Н.*, 1961а. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / / МИА. 99.
- Бадер О.Н.*, 1961б. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып.2. М
- Барынкин П.П.*, 1986. Кызыл-Хак I – новый памятник позднего энеолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Барынкин П.П.*, 1992. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.
- Барынкин П.П., Васильев И.Б., Выборнов А.А.*, 1998. Стоянка Кызыл-Хак II – памятник эпохи ранней бронзы Северного Прикаспия // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.
- Барынкин П.П., Козин Е.В.*, 1991. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки // Древности Восточно-европейской лесостепи. Самара.
- Белецкий В.Д.*, 1962. Археологические разведки на Нижней Волге // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. XXIII.
- Богданов С.В.*, 1999. Древнейшие курганные культуры степного Приуралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Братченко С.Н.*, 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.
- Васильев И.Б.*, 1975. Новые памятники срубной культуры на востоке Куйбышевской области // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев.
- Васильев И.Б.*, 1978. Южные районы лесостепного Поволжья в волосовское время // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола.

Васильев И.Б., 1979. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Куйбышев.

Васильев И.Б., 1979б. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Дис. канд. ист. наук. М.

Васильев И.Б., 1980. Могильник ямно-полтавкинского времени у с.Утевка в Среднем Поволжье // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж.

Васильев И.Б., 1980а. Энеолит лесостепного Поволжья // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург.

Васильев И.Б., 1980б. Энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.

Васильев И.Б., 1981. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев.

Васильев И.Б., 1990. Северный Прикаспий в эпоху мезолита, неолита и энеолита // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г., 1980. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С., 1982. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 1988. Полтавкинские могильники у с.Красносамарское в лесостепном Заволжье // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 1989. Исследования курганов на реке Чагра в Заволжье // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1976. Исследования в бассейне р.Самары и на Самарской Луке // АО 1975 года. М.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979. Могильник у с.Съезжее на р.Самаре // СА. 3.

Васильев И.Б., Непочатых В.А., 1977. Новая стоянка в Хвалынском районе Самарской области // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев.

Васильев И.Б., Пенин Г.Г., 1977. Елшанские стоянки на реке Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев.

Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. Энеолит восточно-европейской лесостепи. Куйбышев.

Выборнов А.А., 1980. Шигоны II – новый памятник волосовского типа в Куйбышевской области // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург.

- Галибин В.А.*, 1991. Особенности состава находок из цветного и благородного металла из памятников Северного Кавказа эпохи ранней и средней бронзы // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Гей А.Н.*, 1985. Переход от неолита к бронзовому веку в степной полосе Северного Причерноморья: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.
- Гольмстен В.В.*, 1923. Дневник 1923 года // Архив ИИМК РАН. Фонд 44, дело 3.
- Гольмстен В.В.*, 1926. Отчет об археологической экспедиции 1926 г. // Архив ИИМК РАН. 210.
- Гольмстен В.В.*, 1931. Погребение из Криволучья // Сообщения ГА-ИМК. 6.
- Городцов В.А.*, 1905а. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Труды XII Археологического съезда. М.
- Городцов В.А.*, 1905б. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Труды XII Археологического съезда. М.
- Даниленко В.Н.*, 1974. Энеолит Украины. Киев.
- Демкин В.А.*, 1993. Почвы сухих и пустынных степей Восточной Европы в древности и средневековье: Автореф. дис. ... докт. геогр. наук. М.
- Демкин В.А.*, 1997. Палеопочвоведение и археология. Пушкино.
- Деревягин Ю.В., Третьяков В.П.*, 1974. Неолитическое поселение у с.Алтата в Саратовской области // СА. 4.
- Дремов И.И., Юдин А.И.*, 1992. Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья // РА. 4.
- Зудина В.Н., Кузьмина О.В.*, 1999. Давыдовский курганный могильник // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара.
- Зудина В.Н., Крамарев А.И.*, 1993. Могильник эпохи бронзы у с.Екатериновка // Археологические исследования в Поволжье. Самара.
- Иванов В.А., Пестрикова В.И.*, 1982. Новый памятник ямной культуры в Куйбышевском Заволжье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Иванов И.В.*, 1978. Почвоведение и археология // Почвоведение. 10.
- Иванов И.В.*, 1989. Эволюция почв степной зоны как индикатор изменения климатических условий в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М.
- Иванов И.В.*, 1992. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М.
- Иванов И.В.*, 1996. Бронзовый век евразийских степей. Его место в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена и в историческом процессе // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.
- Иванов И.В., Лисецкий Ф.Н.*, 1994. Связь ритмов почвообразования с периодичностью солнечной активности за последние 5 тысяч лет // ДАН. Т.334. 2.
- Качалова Н.К.*, 1962. К вопросу о памятниках полтавкинского типа // АСГЭ. Вып.5.

- Качалова Н.К.*, 1967. О выделении полтавкинской культуры // КСИА. Вып.112.
- Качалова Н.К.*, 1983. О локальных различиях в полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. Вып.24.
- Кияшко В.Я.*, 1974. Нижнее Подонье в эпоху энеолита – ранней бронзы: Дис. канд. ист. наук. М. // Архив ИА РАН. Р-2. 2143.
- Кияшко В.Я.*, 1989. Рогатые амулеты раннего бронзового века // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону.
- Ковалева И.Ф.*, 1984. Север степного Поднепровья в энеолите – бронзовом веке. Днепропетровск.
- Корневский С.Н.*, 1977. О древнем металле бассейна р.Самары // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев.
- Корневский С.Н.*, 1980. О металлических вещах I Утевского могильника // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж.
- Корневский С.Н.*, 1984. Новые данные по металлообработке докобанского периода Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т.1. Нальчик.
- Корневский С.Н.*, 1993. Радиоуглеродные даты майкопских (галюгаевских) поселений // Вторая кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар.
- Красцов А.Ю.*, 1990. Древнейшие погребения в ямах с заплечиками в Приуралье // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Крамарев А.И.*, 1996. Отчет о раскопках II Гвардейского курганного могильника в Борском районе Самарской области в 1996 году // Архив арх.лаб. СамГУ.
- Кузнецов П.Ф.*, 1986. Отчет о раскопках в Красноярском и Нефтегорском районах Куйбышевской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 11424.
- Кузнецов П.Ф.*, 1989. Полтавкинская культурно-историческая общность. Свердловск-Куйбышев.
- Кузнецов П.Ф.*, 1991. Уникальное погребение эпохи ранней бронзы на р.Кутулук // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара.
- Кузнецов П.Ф.*, 1991а. Эпоха средней бронзы Волго-Уральского междуречья: Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб.
- Кузнецов П.Ф.*, 1996а. Кавказский очаг и культуры бронзового века Волго-Уралья // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. СПб.
- Кузнецов П.Ф.*, 1996б. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита-бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиоуглерод. Вып.1. СПб.
- Кузнецов П.Ф.*, 1997. П.Д.Рау и современное состояние изучения памятников ранней – средней бронзы Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Кузнецов П.Ф.*, 1998. Отчет об охранно-спасательных раскопках курганного могильника Журавлиха I в Большелушицком районе Самарской области в 1998 году // Архив ИА РАН.

- Кузьмина О.В., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1999. Раскопки III Кутулукского могильника // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара.
- Макаренко М.О., 1933. Мариупольський могильник. Київ.
- Малов Н.М., 1982. Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья (по материалам раскопок 1977-1978 гг.) // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Малов Н.М., 1985. Отчет о раскопках селища Смеловка I и Хлопковского городища в Саратовском Поволжье в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1 0 5 0 1.
- Мамонтов В.И., 1970. Отчет о работе Приволжского археологического отряда ЛОИА АИ СССР и Волгоградского музея краеведения в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 4205а.
- Мамонтов В.И., 1986. Племена эпохи бронзы степной части Волго-Донского междуречья: Дис. канд. ист. наук. Л. // Архив ИИМК РАН. СПб.
- Матвеева Г.И., 1983. Отчет о раскопках Кряжских курганных могильников в Безенчукском районе Куйбышевской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 9588.
- Матюшин Г.Н., 1982. Поселение Муллино III Приуралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Мельник В.И., Степное Поволжье в эпоху средней бронзы: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.
- Мерперт Н.Я., 1985. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. 61.
- Мерперт Н.Я., 1958. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы: Автореф. дис. докт. ист. наук. М.
- Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.
- Мерперт Н.Я., 1980. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.
- Минаева Т.М., 1929. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья // Труды НВОНОК. Вып.36.4.1. Саратов.
- Минаева Т.М., Рау П.Д., 1926. Отчет об археологических разведках по р.Торгун в 1924 году // Труды НВОНОК. Вып.35.4.1. Саратов.
- Моргунова Н.Л., 1979. Ивановская дюна на реке Ток в Оренбургской области // Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Моргунова Н.Л., 1984. Турганинская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев.
- Моргунова Н.Л., 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург.
- Моргунова Н.Л., 1997. Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпоху неолита – энеолита - ранней бронзы: Автореф. дис. докт. ист. наук. М.
- Моргунова Н.Л., 1999. Становление комплексного общества эпохи ранней и средней бронзы на юге лесостепи Волжско-Уральского между-

речья // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н.э. Челябинск-Аркаим.

Моргунова Н.Л., Кравицов А.Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

Нечитайло А.Л., 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.

Никитин В.В., 1978. Волосовские племена на Средней Волге // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола.

Обыденнов М.Ф., 1974. Отчет о раскопках в Ставропольском районе Куйбышевской области в 1974 году // Архив ИА РАН. Р-1. 5603.

Овчинникова Н.В., 1996. Хронология и периодизация энеолитических поселений в лесостепном Поволжье // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.

Орехов В.Ф., 1916. Две раскопки на церковной земле с.Ивановка Хвалынского уезда Саратовской губернии // Труды СУАК. Вып.33. Саратов.

Пестрикова В.И., 1987. Хвалынский энеолитический могильник как исторический источник: Дис. канд. ист. наук. М. // Науч. библиотека МГУ.

Петренко А.Г., 1984. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.

Попова Т.Б., 1963. Дольмены станицы Новосвободной // Труды ГИМ. Вып. XXXIV.

Почвы Куйбышевской области, 1949. Куйбышев.

Почвы СССР, 1979. М.

Природа Куйбышевской области, 1990. Куйбышев.

Резепкин А.Д., 1995. Культурно-хронологическая ситуация на Северном Кавказе в эпоху неолита - ранней бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб.

Романовская М.А., 1982. Об одном погребении эпохи ранней бронзы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.

Рыков П.С., 1931. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье в 1929 г. // Известия НВИК им. М.Горького. Т.IV. Саратов.

Рындина Н.В., 1998. Древнейшее металлообработывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите-энеолите). М.

Сальников К.В., 1962. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы / АЭБ. Вып.1.

Сергиевский район. Древность и средневековье. Археологические очерки, 1997. Самара.

Синицын И.В., 1951. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане // КСИИМК. 37.

- Синицын И.В., Эрднеев У.Э.*, 1966. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962-1963 гг.) // Труды Калм. НИИЯЛИ. КРКМ. Элиста.
- Синюк А.Т.*, 1980. Энеолит лесостепного Дона // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.
- Синюк А.Т.*, 1981. Репинская культура эпохи энеолита- бронзы в бассейне Дона // СА. 4.
- Скарбовенко В.А.*, 1999. Николаевка III – могильник эпохи средней бронзы в долине р.Самары // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара.
- Смирнов А.М.*, 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Сташенков Д.А.*, 1999. Калиновский курганный могильник // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара.
- Столяр А.Д.*, 1955. Мариупольский могильник как исторический источник // СА. XXIII.
- Трифонов В.А.*, 1983. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы (периодизация и культурно -хронологическая характеристика): Автореф дис. канд. ист. наук. Л.
- Трифонов В.А.*, 1996. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. СПб.
- Турецкий М.А.*, 1988. Керамика погребений ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.
- Турецкий М.А.*, 1992. Ямная культура Волго-Уральского региона: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.
- Турецкий М.А.*, 1992а. Из истории изучения памятников раннего и среднего бронзового веков Заволжья // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.
- Турецкий М.А.*, 1997. Проблема сложения средневожско-приуральского варианта ямной культуры // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Турецкий М.А.*, 1999. Курган 2 у с.Тамбовка (к вопросу о проникновении катакомбной культуры в степное Заволжье) // Вопросы археологии Поволжья. Вып.1. Самара.
- Турецкий М.А.*, 1999а. Средневожско-приуральский вариант ямной культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург.
- Халиков А.Х.*, 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.
- Черных Е.Н.*, 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.
- Черных Е.Н.*, 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.
- Черных Е.Н.*, 1976. Рецензия на кн.: Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М. 1974 // СА. 3.
- Черных Е.Н.*, 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 4.

- Черных Е.Н.*, 1988. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. М.
- Черных Е.Н.*, 1997. Каргалы. Забытый мир. М.
- Шилов В.П.*, 1960. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции в 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 2155.
- Шилов В.П.*, 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М.
- Шилов В.П.*, 1985. Курганный могильник у с.Цаца // Древности Калмыкии. Элиста.
- Юдин А.И.*, 1995. Неолит и энеолит степного Заволжья: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.
- Яровой Е.В.*, 1985. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинев.
- Rau P.*, 1927. Prahistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk.
- Rau P.*, 1928. Hockergraber der Wolgasteppe. Pokrowsk.
- Rau P.*, 1929. Neue Funde aus Hockergrabern des Wolgadeutschen Gebites / Eurasia Septentrionalis antiqua. T.5. Helsinki.

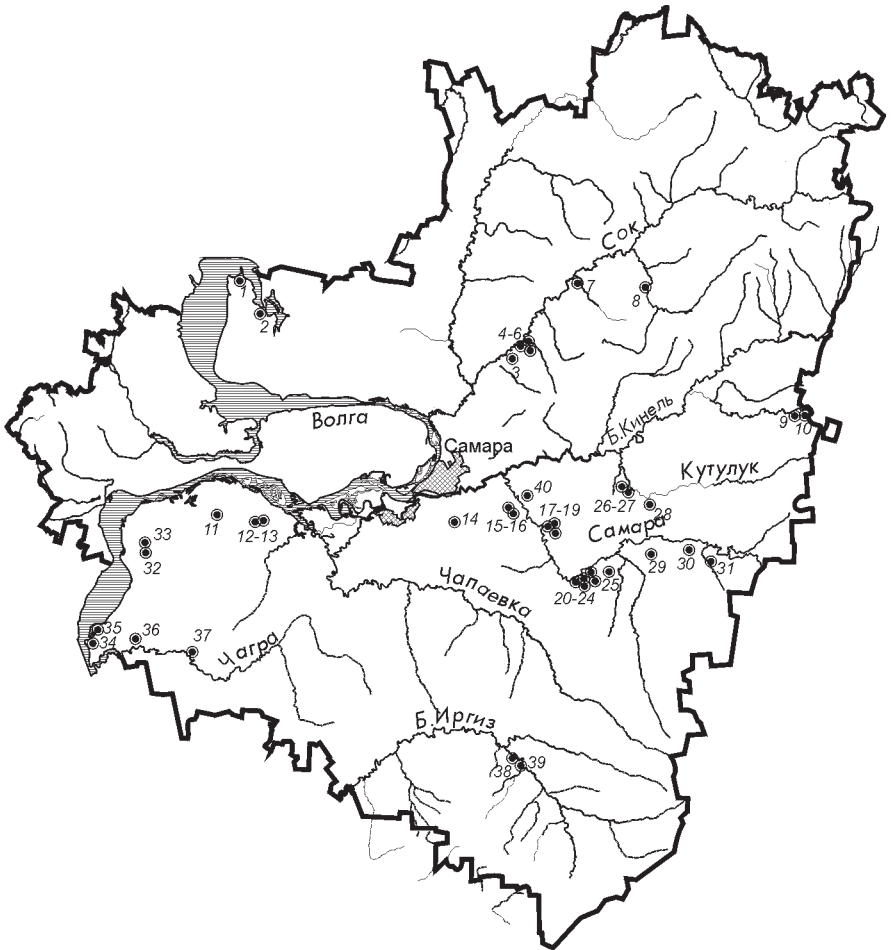

Рис.1. Памятники ранней и средней бронзы на территории Самарского Поволжья.

1 - Светлое Озеро; 2 - Сускан; 3 - Грачевка I; 4 - Лопатино I; 5 - Лопатино II; 6 - Потаповка I; 7 - Нижняя Орлянка I; 8 - Калиновка I; 9 - Микулино; 10 - Березняки I; 11 - Преполовенка I; 12-13 - Кряж I,III; 14 - Николаевка III; 15 - Нур III; 16 - Спиридоновка II; 17-19 - Красносамарское I-III; 20-23 - Утевка I,III,V,VI; 24 - Лещевский I; 25 - Покровка I; 26-27 - Кутулук I,III; 28 - Аверьяновка I; 29 - Андреевка I; 30 - Широценка; 31 - Гвардейцы II; 32-33 - Кашпир II,III; 34 - Екатериновка; 35 - Давыдовка; 36 - Абашево II, 37 - Владимировка; 38 - Тамбовка II; 39 - Журавлиха I; 40 - Бобровка.

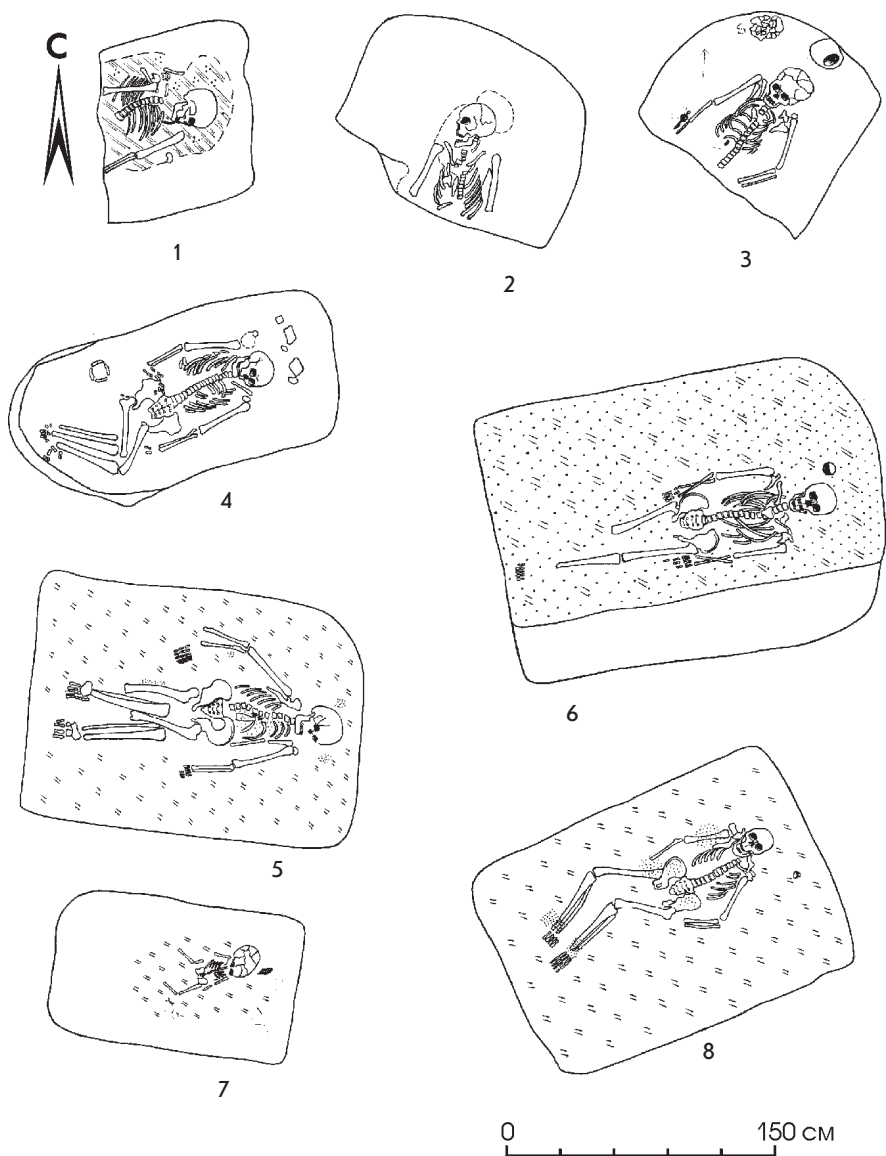

Рис.2. Погребения ямной культуры.

1 - Екатериновка I/1; 2 - Екатериновка I/8; 3 - Екатериновка V/1;
4 - Екатериновка II/3; 5 - Лопатино I,31/1; 6 - Лопатино II,2/3;
7 - Лопатино II,3/1; 8 - Покровка I,17/1.

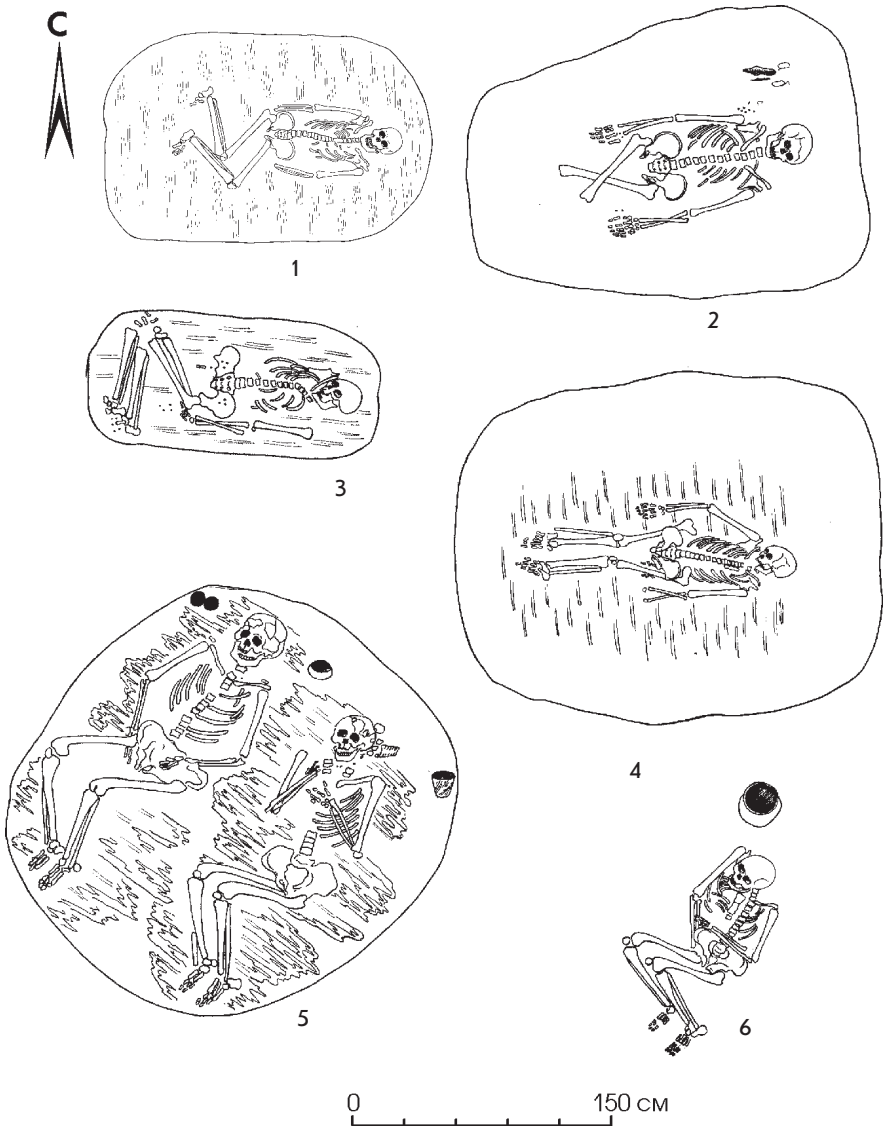

Рис.3. Погребения ямной культуры.

1 - Покровка I,11/1; 2 - Покровка I,12/1; 3 - Покровка I,19/1;
 4 - Покровка I,21/1; 5 - Березняки I,14/1; 6 - Березняки I,13/1.

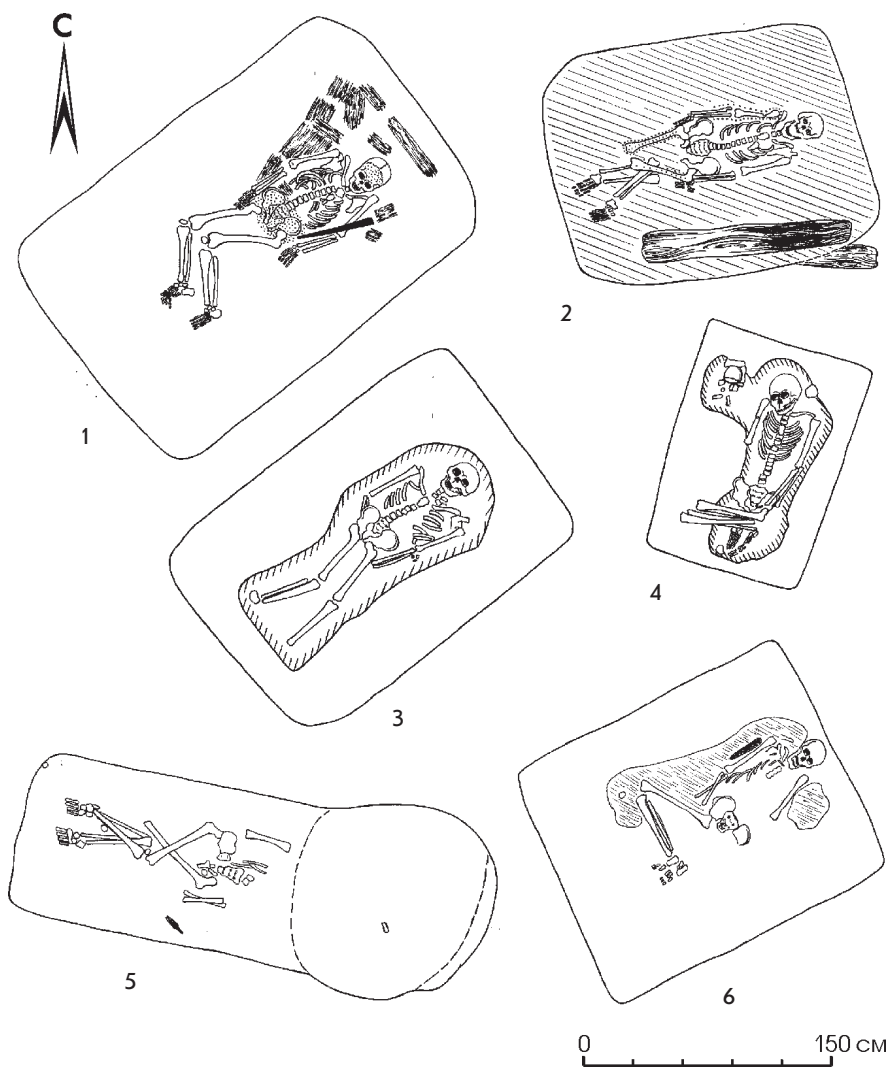

Рис.4. Погребения ямной культуры.

1 - Кутулук I,4/1; 2 - Нижняя Орлянка I,1/5; 3 - Кашпир III,2/3;
4 - Кашпир III,3/1; 5 - Владимировка, 1/6; 6 - Утевка III,4/1.

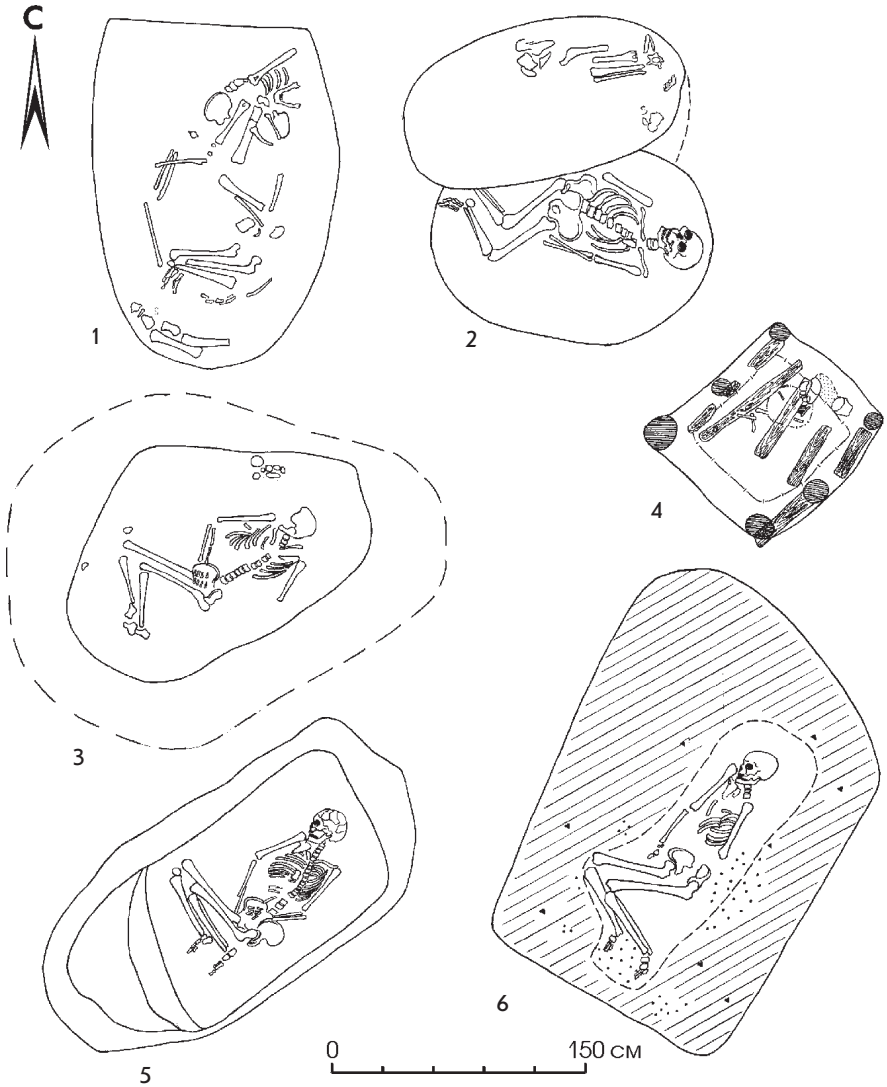

Рис.5. Погребения эпохи ранней и средней бронзы.

1 - Аверьяновка I, 1/1; 2 - Аверьяновка I, 6/5, 6; 3 - Кряж I, 2/1; 4 - Кряж III, 1/4; 5 - Кряж I, 3/2; 6 - Преполовенка I, 8/2.

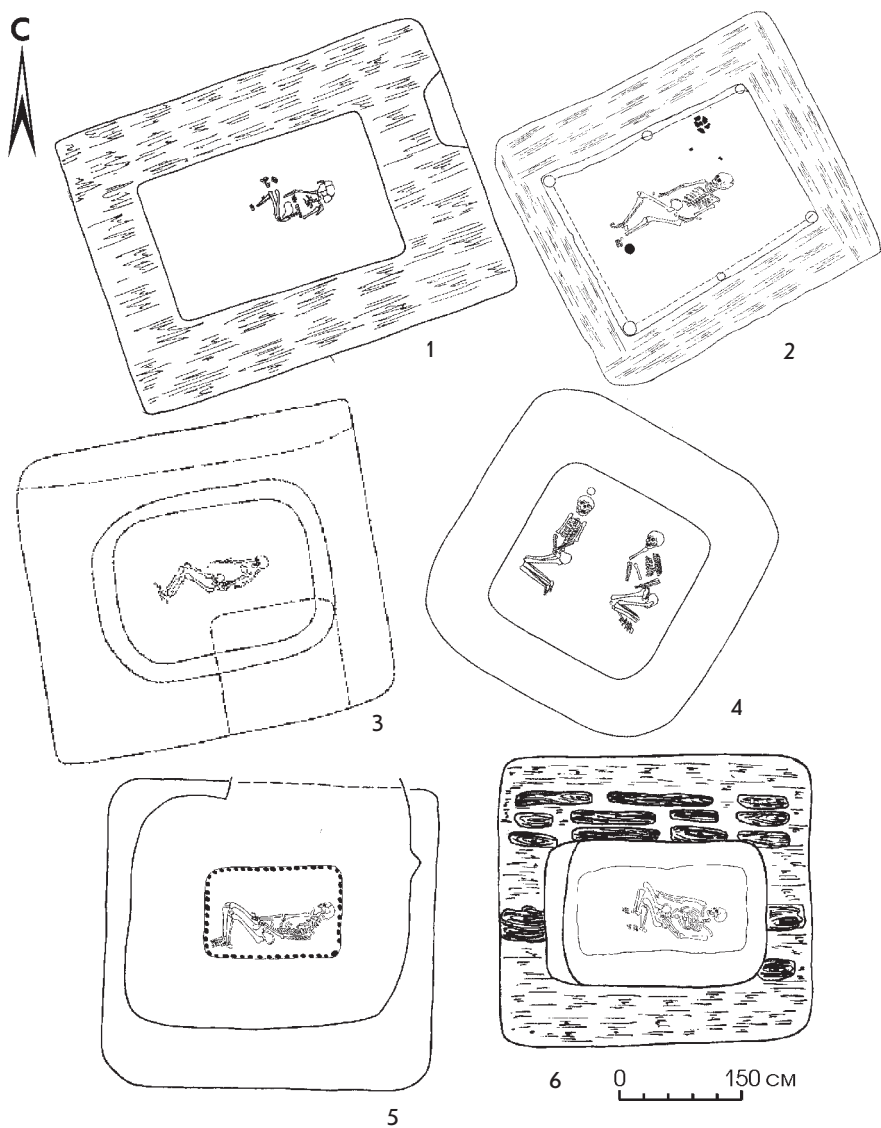

Рис.6. Погребение эпохи средней бронзы.

1 - Владимировка, 3/1; 2 - Владимировка, 4/4; 3 - Преполовенка I,4/6;
4 - Красносамарское III,1/1; 5 - Красносамарское II,1/1;
6 - Красносамарское I,2/1.

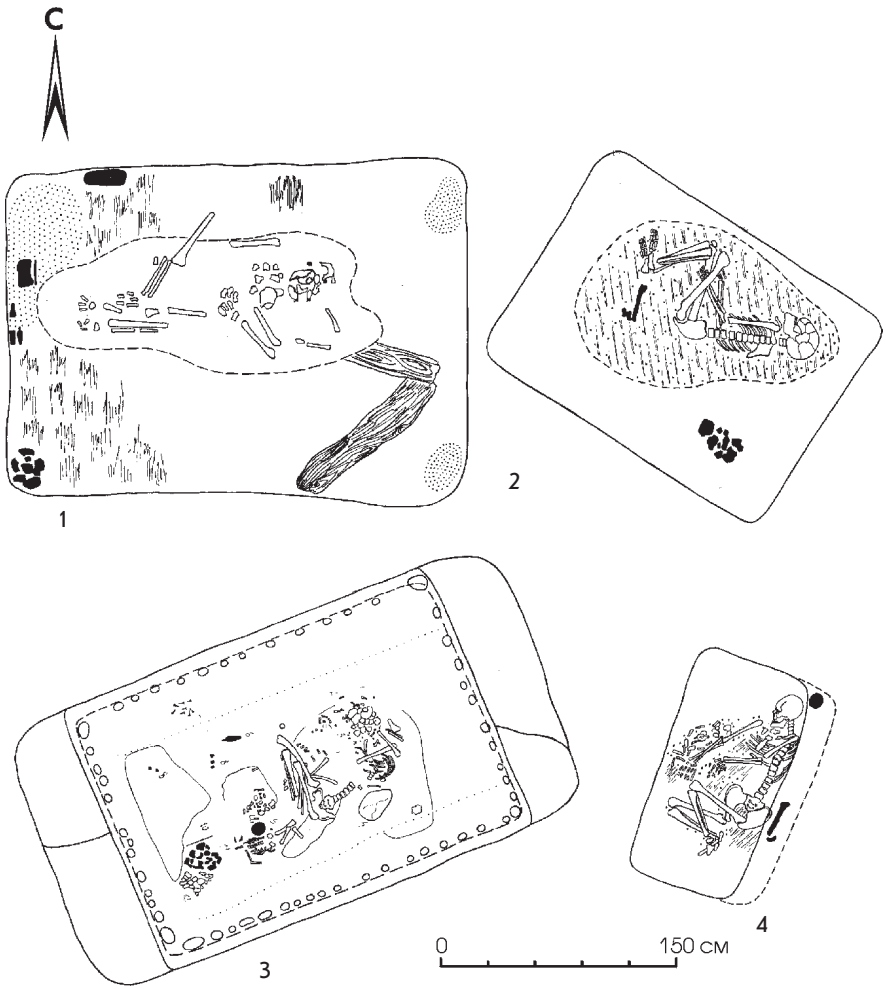

Рис.7. Погребения эпохи средней бронзы.

1 - Утевка I,1/1; 2 - Тамбовка II,2/6; 3 - Утевка I,2/1; 4 - Тамбовка II,2/2.

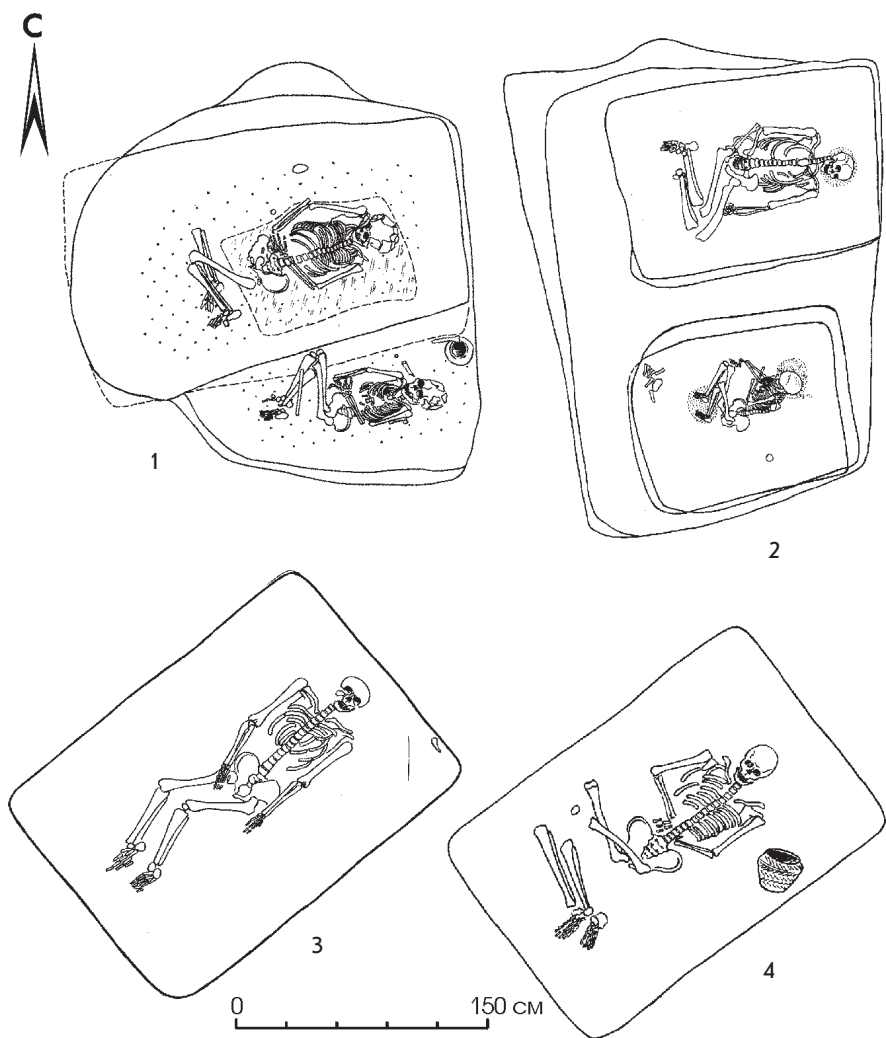

Рис.8. Погребения полтавкинской культуры.

1 - Гвардейцы II,1/3,6; 2 - Николаевка III,3/1,2; 3 - Красносамарское I, 3/1; 4 - Красносамарское I,4/2.

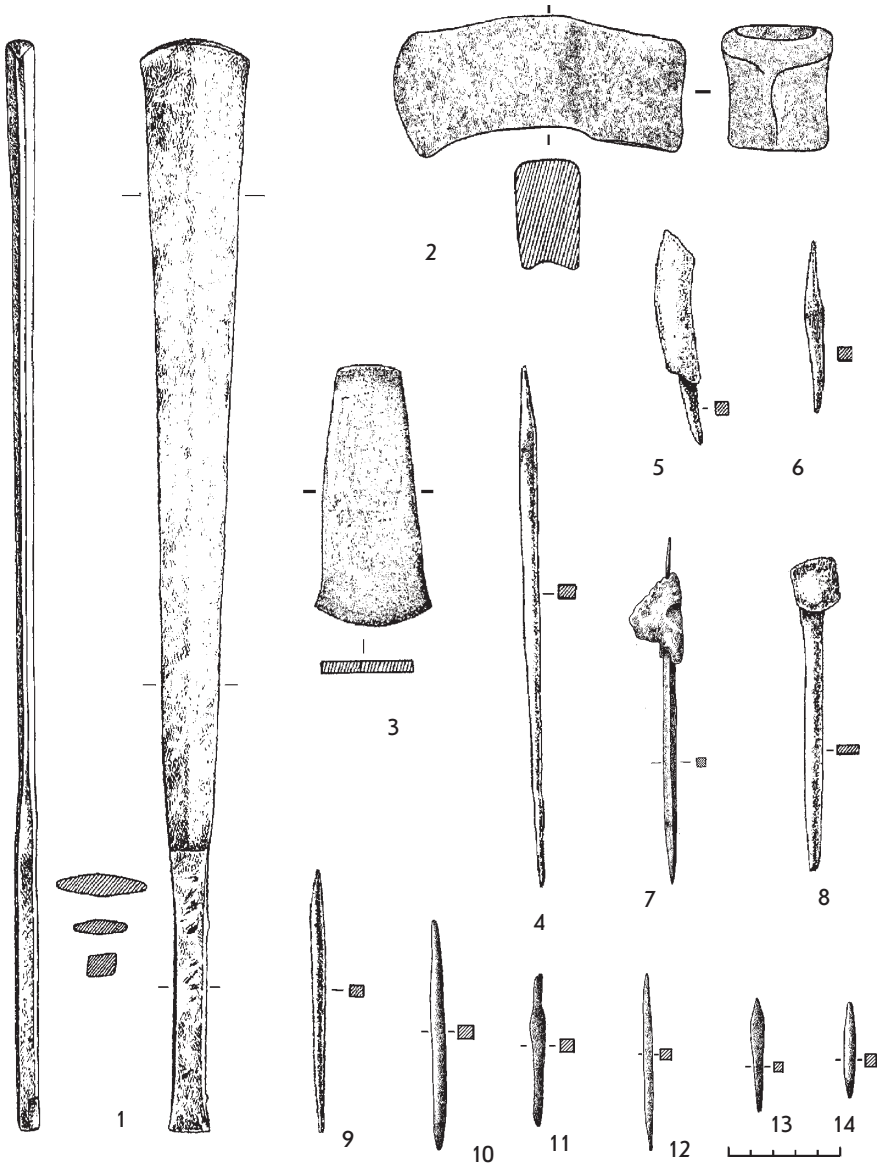

Рис.9. Погребальный инвентарь.

1 - Кутулук I,4/1; 2,3,8,10 - Утевка I,1/1; 4,11 - Утевка I,2/1; 5 - Красносамарское I,2/1; 6 - Покровка I,12/1; 7 - Кутулук III,1/2; 9,13 - Кашпир III,1/1; 12 - Преполовенка I,9/1; 14 - Покровка I,17/1.
1-14 - бронза (7-8 - бронза, железо).

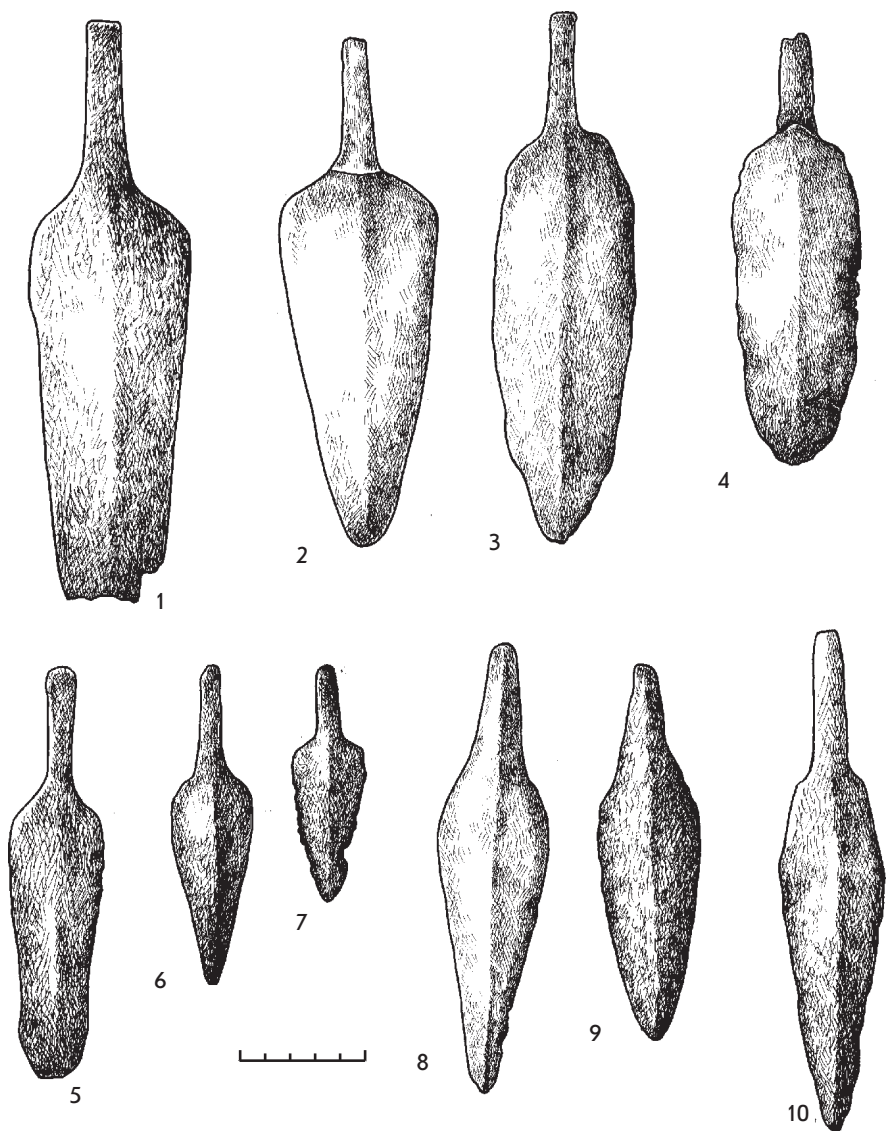

Рис.10. Погребальный инвентарь.

1 - Владимировка, 1,6/6; 2 - Утевка I,1/1; 3 - Бобровка, с/н.;
4 - Утевка I,2/1; 5 - Покровка I,12/1; 6 - Покровка I,17/1; 7 - Нижняя
Орлянка I,1/4; 8 - Кутулук III,1/2; 9 - Кашпир III,1/1;
10 - Преполовенка I,9/1. 1-10 - бронза.

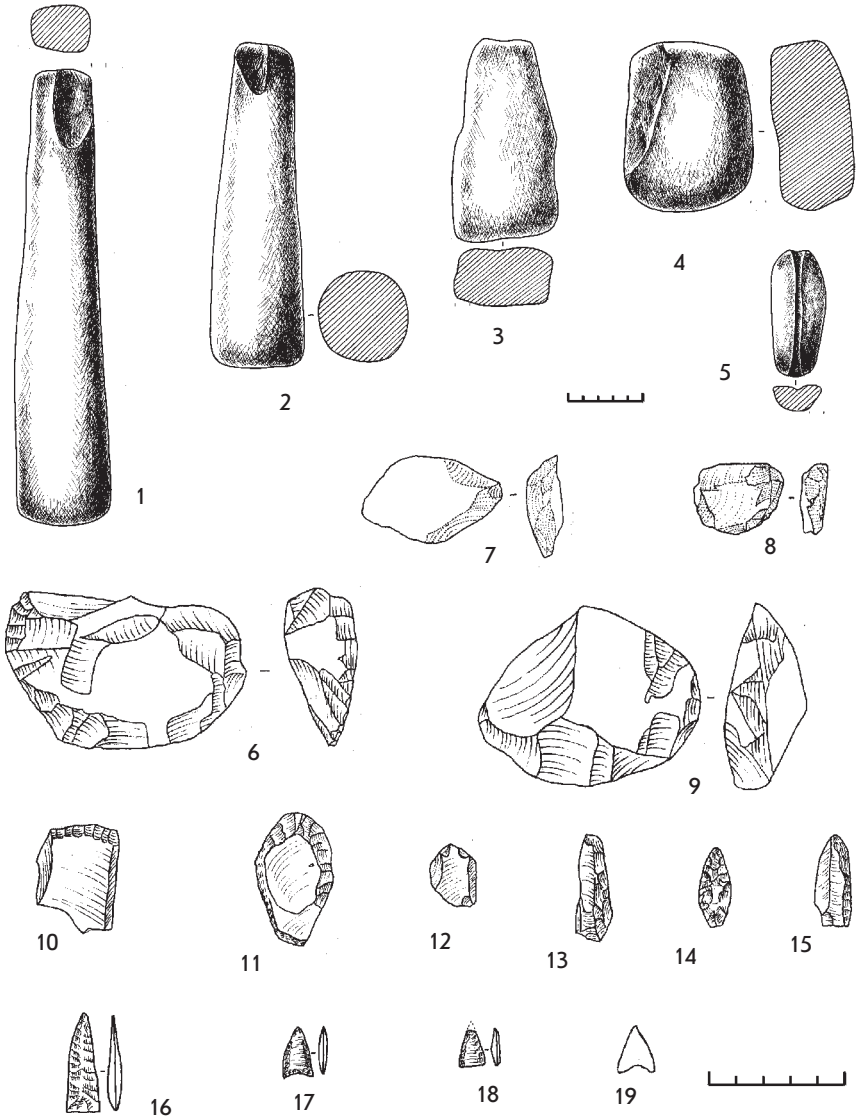

Рис.11. Погребальный инвентарь.

1 - Красносамарское I,1/4; 2 - Утевка I,1/1; 3 - Владимировка, 1/6;
 4 - Утевка I,2/1; 5,10-15 - Кряж I,2/1; 6-9 - Екатериновка II/3; 16,
 17 - Лопатино II,2/3; 18 - Лопатино I,31/1; 19 - Кряж III,1/2.
 1-5 - камень; 6-19 - кремьнь.

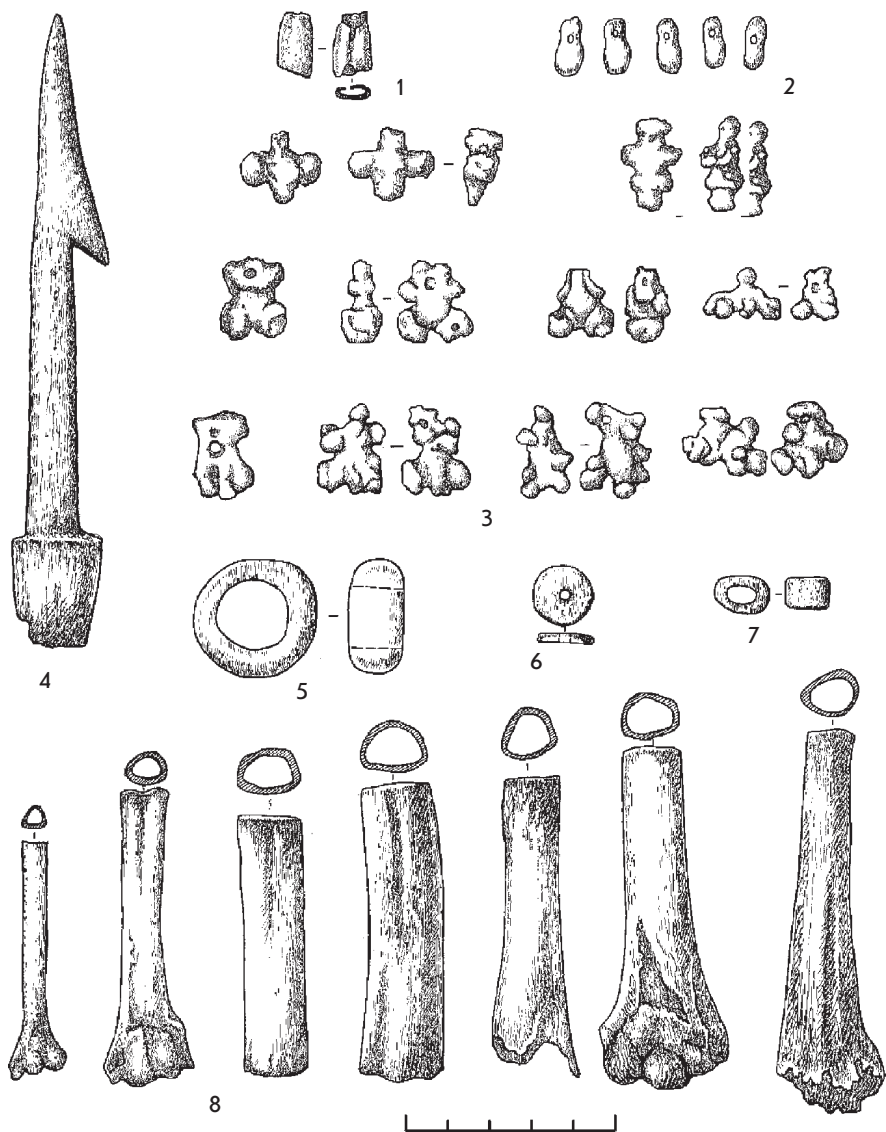

Рис.12. Погребальный инвентарь.

1,3,8 - Николаевка III,3/1; 2,7 - Утевка I,2/1; 4,6 -
 Екатериновка V/1; 5 - Красносамарское III,1/1.
 1,2 - медь; 3-5,7,8 - кость; 6 - раковина.

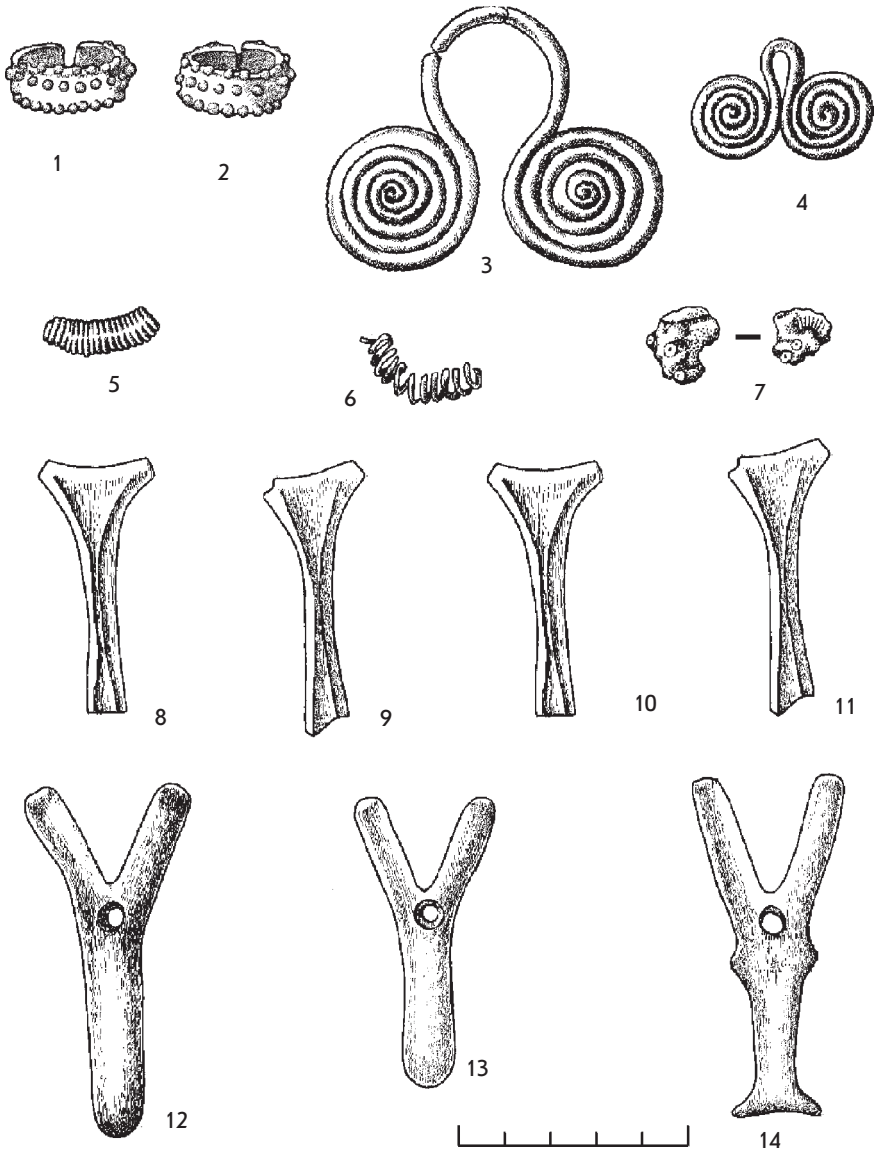

Рис.13. Погребальный инвентарь.

1,2- Утевка I, 1/1; 3,4 - Николаевка III,3/1; 5-11 - Утевка I,2/1; 12, 13 -Лопатино II, 3/2; 14 -Покровка,17/1.

1,2 - золото; 3-6 - медь; 7 - паста; 8-14 - кость.

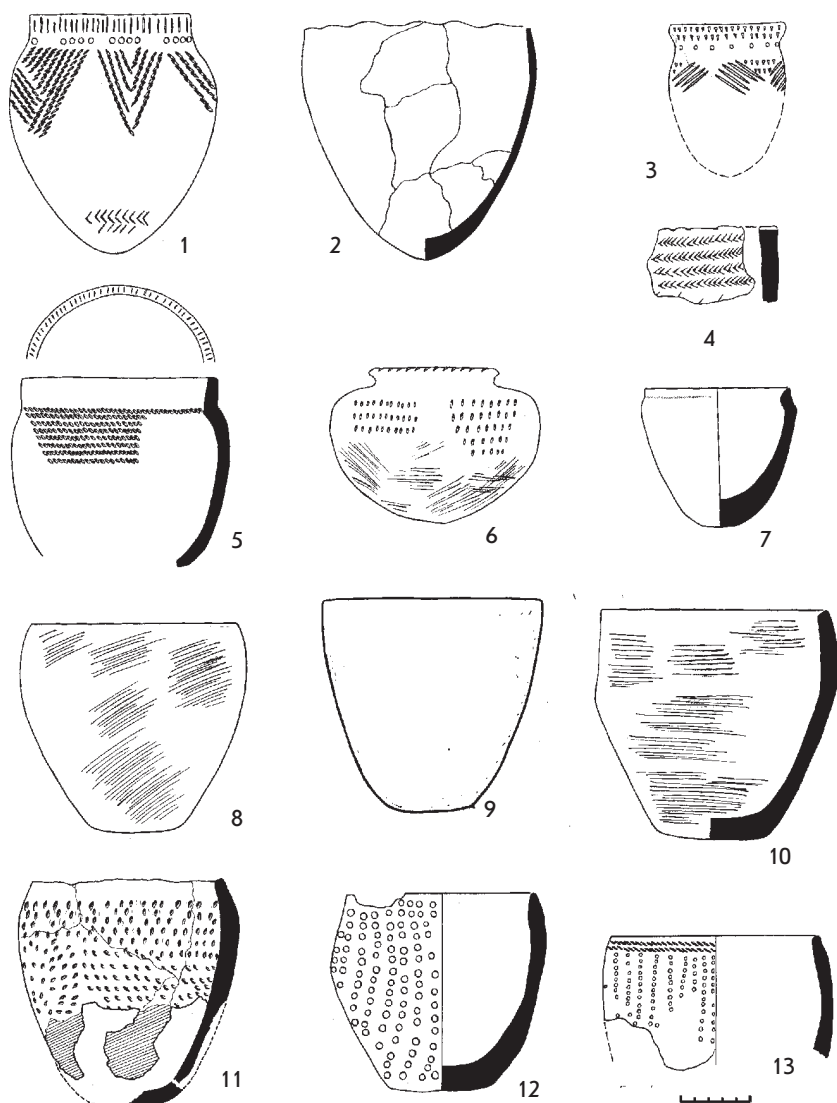

Рис.14. Керамика ямной и полтавкинской культуры.

1 - Екатериновка V/1; 2 - Абашево II,2/2; 3 - Покровка I,15/2;
 4 - Лопатино I,31/насыпь; 5 - Лопатино I,31/яма 1; 6 - Лопатино II,
 3/2; 7 - Кашпир III, 3/1; 8 - Владимировка, 4/4, с.1; 9 - Березняки I,
 14/1, с.2; 10 - Преполовенка I,2/1; 11 - Журавлиха I,1/16; 12 - Кряж I,
 4/1; 13 - Кряж I,2/1.

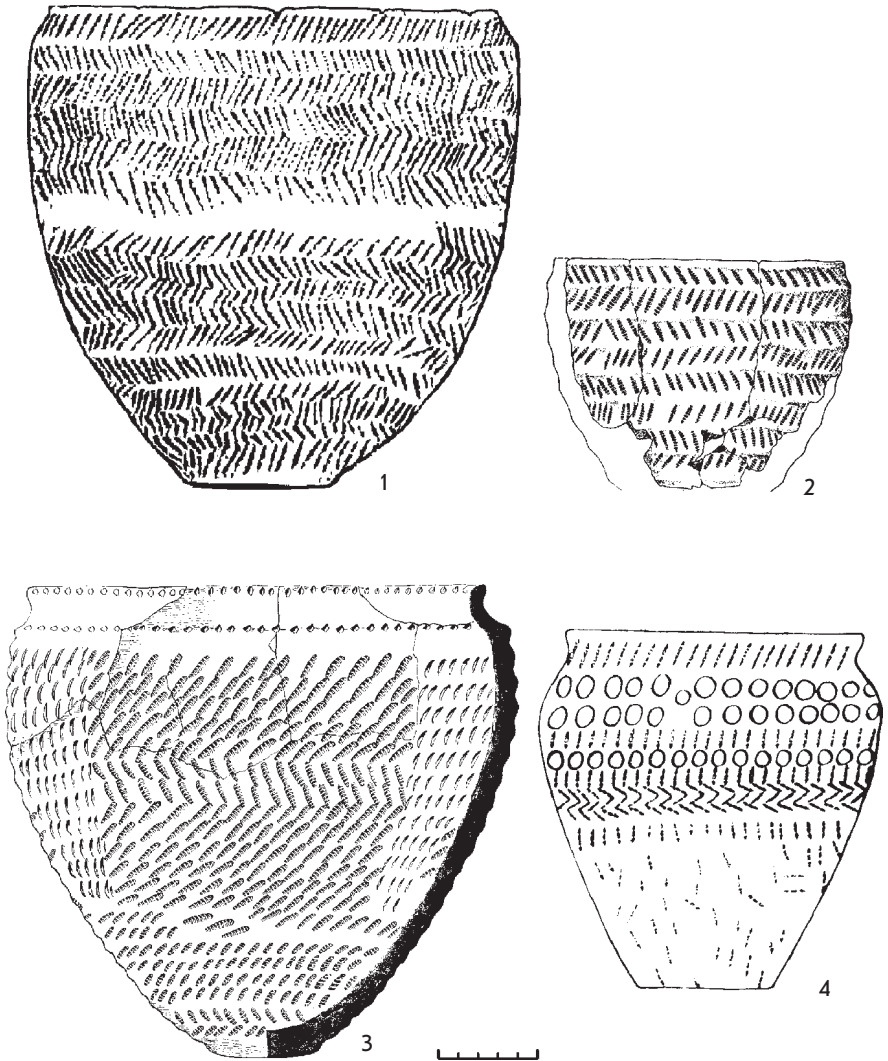

Рис.15. Керамика рубежа ранней-средней бронзы.

1 - Утевка I,1/1; 2 - Калиновка I,1/3; 3 - Гвардейцы II,1/6; 4 - Светлое Озеро, 3/1.

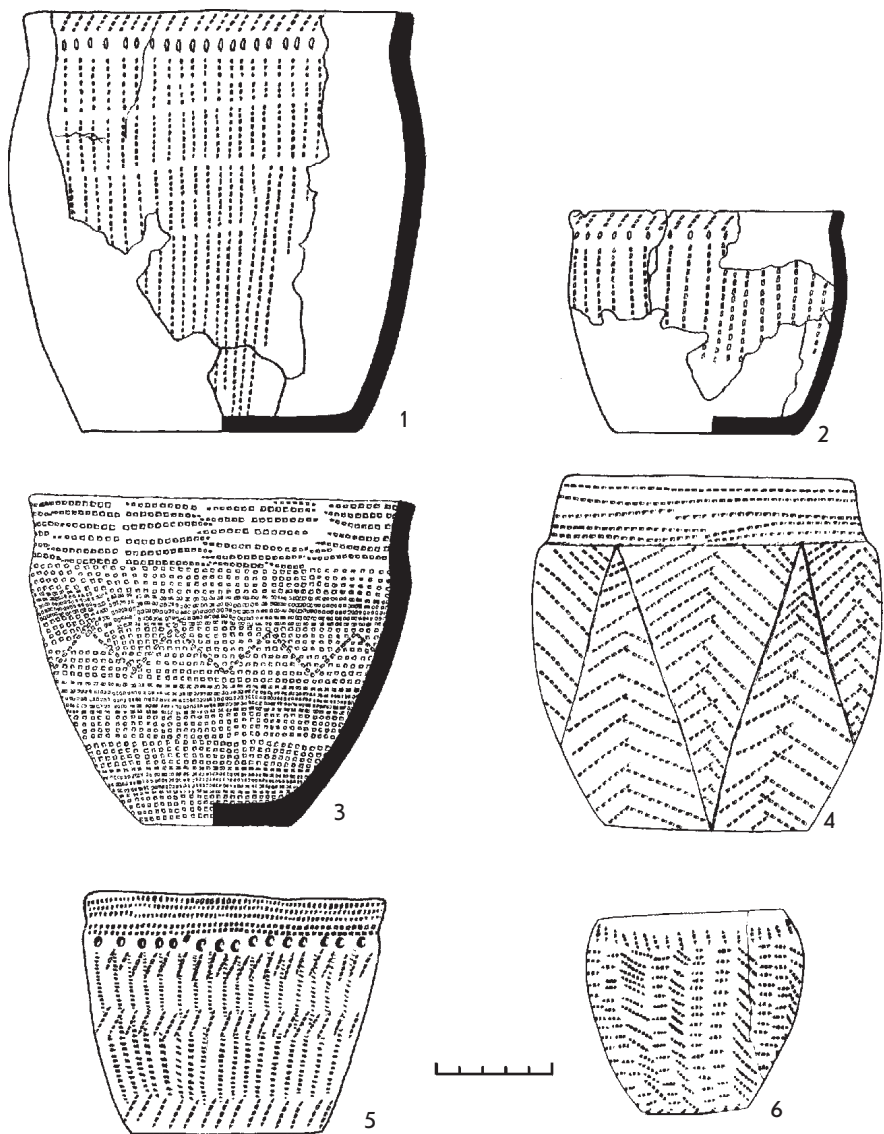

Рис.16. Керамика рубежа ранней-средней бронзы.

1 - Лопатино I,32/1; 2 - Грачевка I,2/1; 3 - Кутулук III,1/2; 4 - Утевка I, 2/1; 5 - Утевка VI,1/1; 6 - Владимировка, 4/4, с.1.

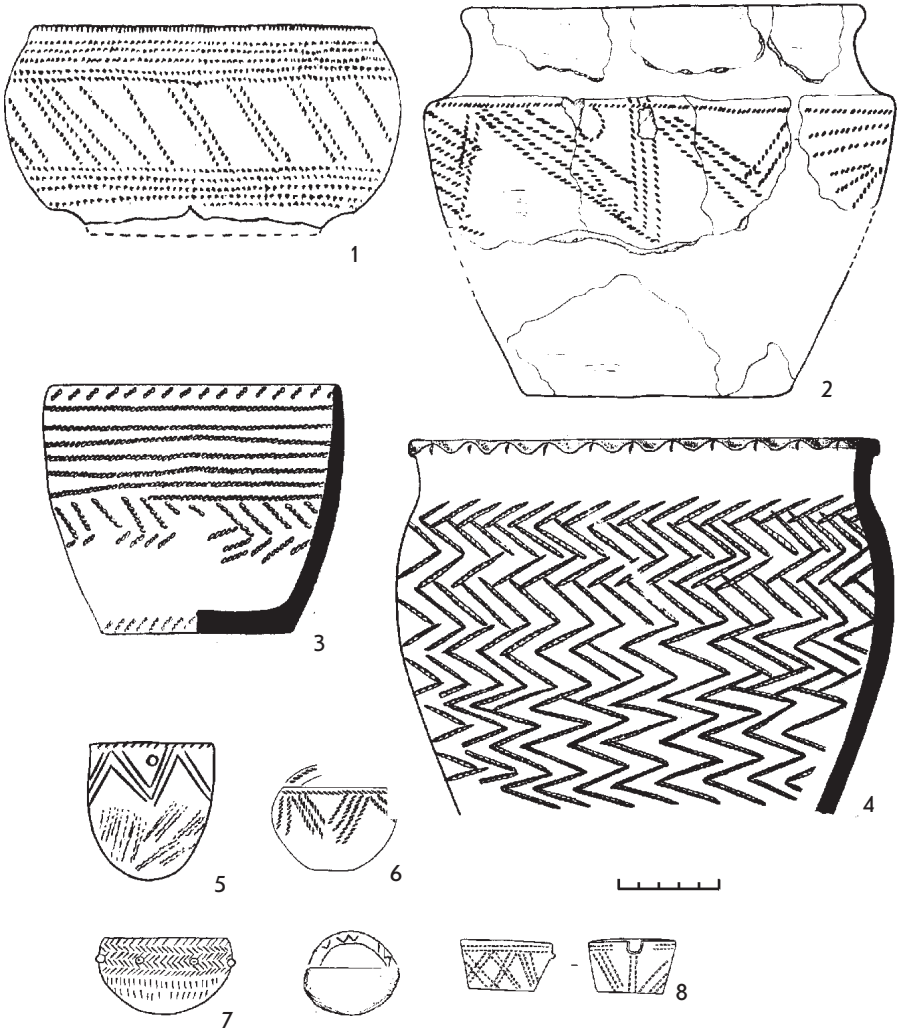

Рис.17. Керамика ямной и полтавкинской культуры.

1 - Утевка I,3/1; 2 - Абашево II,2/4; 3 - Тамбовка II,2/2;
 4 - Тамбовка II,2/6; 5 - Николаевка III,3/1; 6 - Екатериновка II/3; 7 - Бе-
 резняки 14/1, с.1; 8 - Лопатино I,31/1; 9 - Лопатино I,1/1.

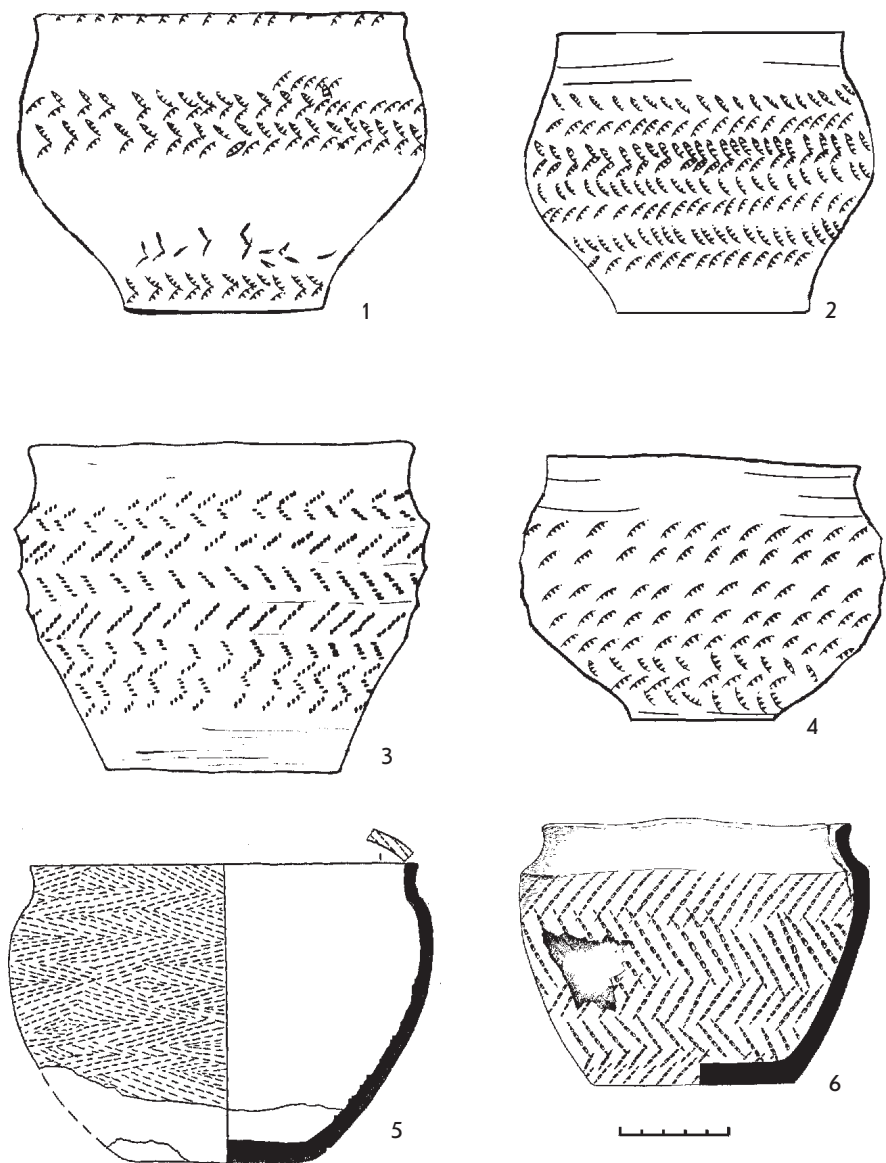

Рис.18. Керамика полтавkinской культуры.

1 - Покровка I,1/2; 2 - Абашево II,2/3; 3 - Абашево II,2/5;
4 - Покровка I,4/1; 5 - Гвардейцы II,2/2, с.1; 6 - Гвардейцы II,1/3.

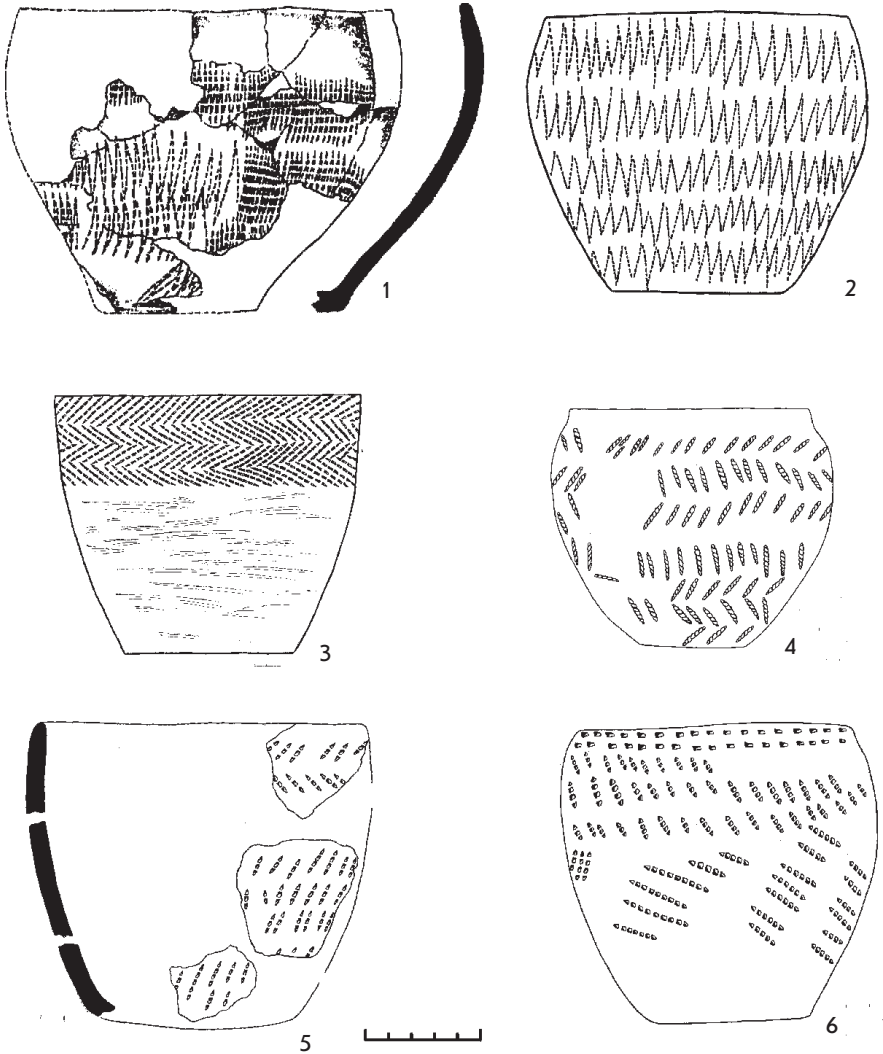

Рис.19. Керамика полтавкинской культуры.

1 - Калиновка I,1/6; 2 - Широценка, 2/насыпь; 3 - Аверьяновка I,6/6;
4 - Кряж III,1/4; 5 - Сускан, 2/1; 6 - Кряж III,1/3.

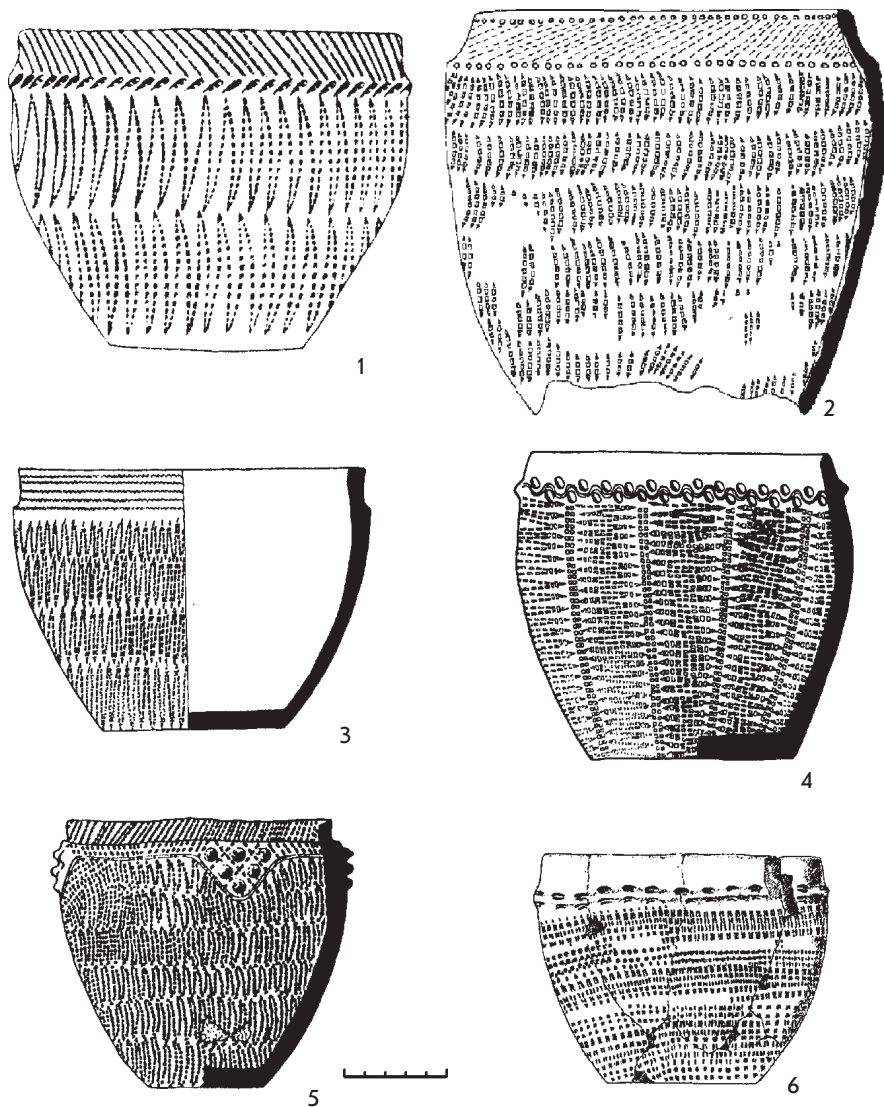

Рис.20. Керамика полтавкинской культуры.

1 - Красносамарское I,4/2; 2 - Давыдовка, 2/2; 3 - Аверьяновка I,1/1;
4 - Преполовенка I,9/1; 5 - Утевка VI,3/насыпь; 6 - Калиновка I,1/5